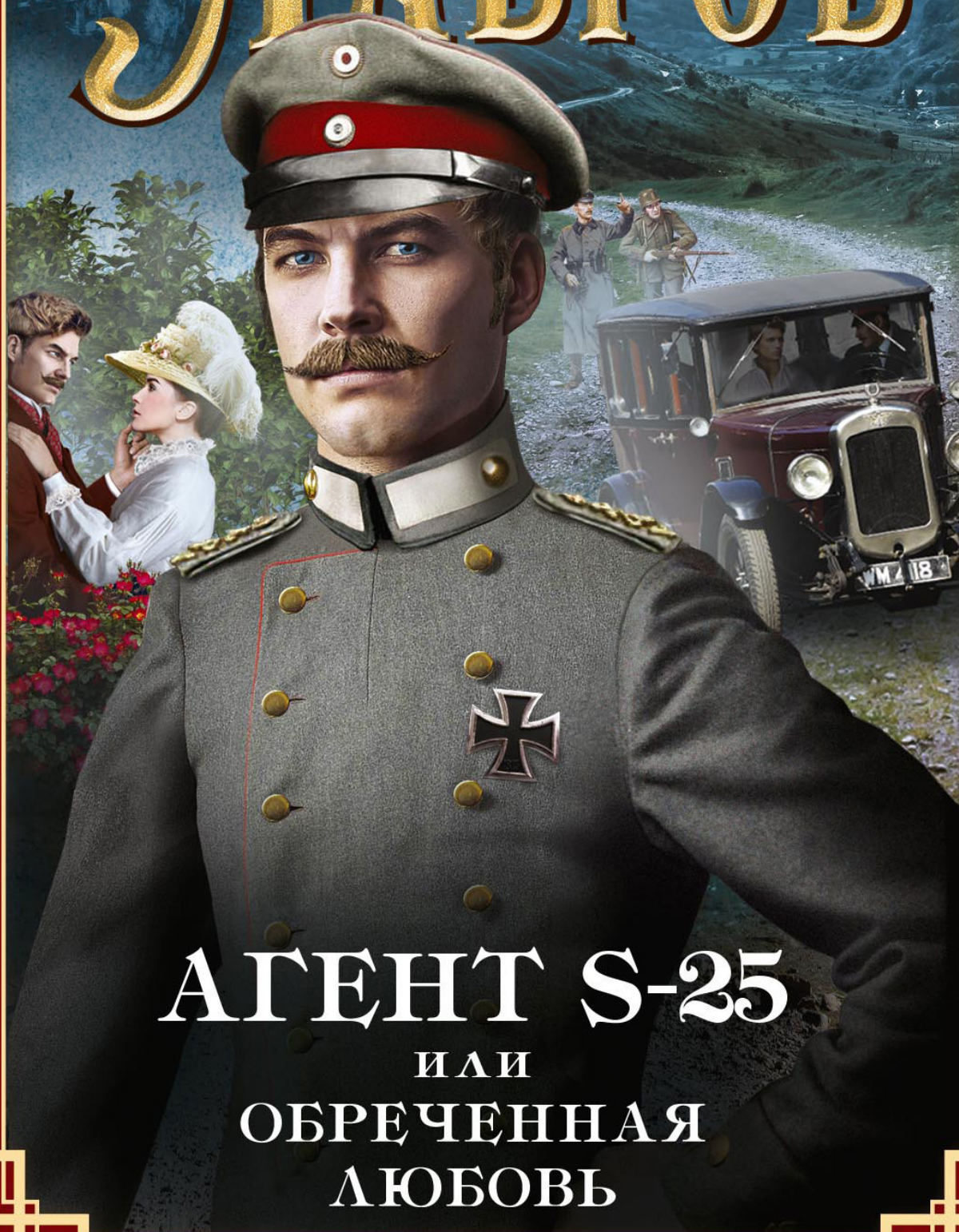

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВАЛЕНТИН ДЛАВРОВ

АГЕНТ S-25

ИЛИ
ОБРЕЧЕННАЯ
ЛЮБОВЬ

Граф Соколов

Валентин Лавров

**Секретный агент S-25,
или Обреченная любовь**

«Центрполиграф»

2001

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

Лавров В. В.

Секретный агент S-25, или Обреченная любовь / В. В. Лавров —
«Центрполиграф», 2001 — (Граф Соколов)

ISBN 978-5-227-07910-7

В основу книги положены подлинные исторические события конца Первой мировой войны. О них тогда с восторгом говорили и друзья, и враги России. Попытка Николая I организовать на германской подводной лодке диверсию, пленение французами прусского наследного принца Генриха, его побег из парижской тюрьмы, любовные и прочие приключения в тылу врага красавца графа Соколова и его столкновения с капралом Гитлером... Книга держит читателя в постоянном напряжении.

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

ISBN 978-5-227-07910-7

© Лавров В. В., 2001
© Центрполиграф, 2001

Содержание

Книга первая	7
Тайна государя	7
Линия судьбы	7
Озарение	8
Дипломатические хитрости	9
Неосторожное обещание	10
Царская честь	11
Хищница	13
Смелый план	16
Предвестник окаянных дней	19
Шатание	20
Рождество в Царском Селе	21
Будильник	23
Отчаянный шаг	24
«Рубидор»	25
Лунный свет	26
Ошеломляющее известие	27
«Кукушка»	29
Бдительный Нестеров	30
Бриллиант в каблуке	32
Рекомендатель	34
Женское томление	36
Приятная гостья	36
В бегах	37
Ужин по-русски	40
Знаменитый гость	40
Меткий стрелок	41
Размолвка	45
Цыгане из Курска	46
Изменение маршрута	46
Долгий взгляд	48
Прощай, любимый город	51
Веселая поездка	51
Солдатская доля	52
Очередь на фронт	54
Сергей Шлапак	55
Боевая командировка	56
Сюрприз судьбы	59
Приятное соседство	60
Жизненное пространство	60
Рядовой Факторович	62
Головка сахара	64
Жареный петух	65
Полет в ночи	67
Свежий ветер	67
Плохое воспитание	68

Трофейный чайник	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Валентин Лавров

Секретный агент S-25, или Обреченная любовь

Я еще не видел такого человека, который понимал бы русский народ.

Великий князь Александр Михайлович

В основу этой книги положена подлинная история. Она произошла в конце Первой мировой войны. О ней тогда с восторгом говорили и друзья, и враги России.

Так, исследователь работы секретных служб Роберт Букар в 20-х годах писал о герое нашей книги: «Агент S-25 был человеком колоссального роста, храбрый и исключительно энергичный. S-25 обладал выдающимися знаниями языков. Когда он с доброй улыбкой протягивал свою здоровенную ладонь и заявлял: „Я попытаюсь справиться с этим делом!“ – сомнений не было: его усилия увенчаются блестящим успехом. Этого великана не пугали никакие опасности. Он лишь говорил: „Если я не вернусь, позаботьтесь о моих жене и ребенке!“ Эту фразу он произнес и тогда, когда под видом изменника родины и дезертира должен был проникнуть в логово врага...»

Исследователь признался, что ему неизвестно подлинное имя агента S-25. Что ж, нам повезло больше! Он наш земляк, он герой многих наших книг. Более того, нам известен и тот замечательный человек, который присвоил герою это агентурное имя – S-25.

Книга первая

Агентурное имя

Тайна государя

Линия судьбы

Если в этом мире есть что-нибудь удивительное, так это сцепление случайностей, которые, подобно волшебной шестеренке, таинственным образом поворачивают наши судьбы самым неожиданным, даже мистическим образом.

23 декабря 1916 года, Царское Село. В это солнечное морозное утро началась одна из самых потрясающих историй времен мировой войны. Согласно обычаю, в девять часов государь со своей августейшей семьей и с несколькими приближенными в Розовой гостиной Александровского дворца завершил завтрак. Он направился в свой кабинет, дабы начать прием посетителей.

В те же дни в Петрограде находился знаменитый атлет-красавец граф Соколов. Как всегда, гений сыска остановился в роскошной «Астории». Теперь она кишела шпионами, контрразведчиками, дорогими проститутками, агентами наружной службы, крупными биржевыми спекулянтами и прочими романтическими личностями.

Того же 23 декабря граф Соколов, стоя в исподнем перед распахнутым окном, в которое клубами врвался морозный воздух, заканчивал утреннюю гимнастику. Атлет подбрасывал двухпудовку и мягко принимал ее на могучую спину – вполне цирковой номер. Было жалко, что нет восторженных свидетелей этого блестящего трюка.

И не ведал атлет, что именно в этот момент в царском дворце была решена его судьба.

* * *

Двумя днями раньше, 21 декабря, сразу после похорон несчастного Распутина, Соколов отправился в забитую просителями приемную Главного штаба. Соколов подал на имя военного министра Шуваева прошение о направлении его в действующую армию.

Не обладая даром терпения и зная проволочки российских бюрократов, Соколов уже на другое утро устроил набег в приемную министра.

– Как мое ходатайство?

Дежурный офицер по фамилии Воробьев, молодой человек из провинциалов с погонами поручика и пробором посредине, окруженный толпой просителей, раздраженно посмотрел на Соколова:

– Быстро скажут лошади пожар тушить! Извольте запастись терпением.

Соколова рассердил столь неучтивый ответ. Он удивленно поднял бровь.

– Любезный, как ты смеешь грубить? Какой такой «пожар»? – и, к веселью томившихся в приемной, стал трепать розовое, свежeweымытое ухо поручика.

– А-а! – закричал поручик от боли, а еще больше от оскорбленного чувства достоинства. – От-пус-тите! Вы ответите... Я вызываю вас...

Соколов наконец освободил посрамленного юнца, пылавшего краской стыда, и назидательно произнес:

– Не мечтай! Стреляться с тобой не буду, ты еще недостойн! А еще раз дерзость услышу, так набью физиономию и попрошу министра отправить тебя в действующую армию. Бог даст, вернешься приличным человеком.

Соколов вдруг услышал за спиной голос:

– Аполлинарий Николаевич, кого фронтом пугаете?..

Соколов оглянулся. Перед ним стоял невысокий, хорошо упитанный человек со звездами на генеральской форме, плотно сидевшей на квадратной фигуре. Человек сиял улыбкой и обширной лысиной. Соколов с легкой иронией произнес:

– Ба, сам дворцовый комендант Воейков! Персона влиятельная, важными делами заправляющая. А я, скромный проситель, униженно прошу меня в окопы отправить.

Воейков удивился:

– Что, правда? Впрочем, на вас такое безрассудство похоже. – Махнул рукой. – Ведь вы, граф, не на пост премьер-министра посягаете? А под пули – сколько угодно! – Нынче комендант спозаранку успел договориться о выгодной поставке двору массандровских вин, затем он дегустировал эти продукты и два ящика получил в подарок. По этим важным причинам Воейков находился в благодушном расположении духа. Винные пары размягчили душу царедворца. – Я вам буду протезировать. Где, граф, ваш рапорт?

Соколов кивнул на дежурного. Воейков повернул круглую голову.

– Поручик, дайте сюда рапорт. – Хмыкнул, хотел хлопнуть Соколова по плечу, но вовремя одумался. – Зачем вам к министру идти?

– А к кому? К дворнику, что тротуар чистит?

Воейков пропустил грубость мимо ушей. Он взял Соколова под руку, отвел в сторону и задышал в ухо.

– Помните, в ноябре министр неудачную речь в Государственной думе произнес? Так вот, государь им недоволен. На ниточке повис Шуваев. – Прижал палец ко рту. – Только, граф, вы об этом – ни-ни! – И далее уже громко, на всю приемную, торжественным тоном: – Господин полковник, о вашем благородном желании на передовой служить отечеству я доложу государю.

– Это мой долг! – ответил Соколов.

– Это хорошо, очень хорошо! – отвечал Воейков, одергивая генерал-майорский мундир. Он не верил в слова о долге перед родиной и считал их какой-то приправой к разговору, как, скажем, горчица к обеду. И, желая попасть в тон Соколову, грубовато пошутил: – Была бы шея, а кусок веревки с обмылком всегда найдутся. Ха-ха! Можете, граф, быть уверенным: без дела не останетесь. Как здоровье батюшки? Кланяйтесь ему. Не исключаю, вас еще до Нового года известят о назначении. О’ревуар! – Помахал короткой пухлой ручкой и скрылся в кабинете министра, в который был вхож без доклада.

Озарение

На другой день, в пятницу 23 декабря, сразу после завтрака, в девять часов пятнадцать минут утра Воейков был на аудиенции у государя.

Дворцовый комендант изложил круг вопросов, связанных с празднованием предстоящего Рождества. Государь высказал свои пожелания и выразительно посмотрел на большие напольные часы.

Воейков заторопился. Уже раскланиваясь, вдруг выпалил:

– Ваше императорское величество, – и неожиданно для самого себя довольно громко усмехнулся: – Известный вам Аполлинарий Соколов домогается отправки на фронт, словно здесь, в тылу, не осталось важных дел. Кругом шатание и непорядки. Одна история с убийством Распутина чего стоит! Вот его рапорт. – И Воейков почтительно протянул пакет. – Кстати, Соколов безобразничал в приемной Шуваева...

Рука Воейкова повисла в воздухе. Государь пакет не принял и недовольно нахмурился.

Всякое упоминание об убийстве старца ему было крайне неприятно, ибо в преступлении были замешаны члены царской фамилии – Феликс Юсупов и двоюродный брат самого Николая – великий князь Дмитрий Павлович. И еще он невольно испытывал чувство жалости и непонятной вины своей перед семьей Распутина. Подумал: «Надо сказать Ане Вырубовой, чтобы дочерей Григория на Рождество пригласила».

Воейков понял свою оплошность. Теперь, в ожидании разрешения покинуть кабинет, он покраснел и неловко переминался с ноги на ногу, при этом всячески ругал себя: «Ах, какой я неловкий, какую глупость сморозил! Зачем я связался с графом? Еще мой покойный батюшка вразумлял: хочешь нарваться на неприятности – сделай ненужному человеку доброе дело!»

Государь задумчиво смотрел на сереющее за окном утро. Он уже было собрался сказать: «Рапорт передайте в приемную военного министра!» – только при упоминании Соколова вдруг вспомнил важный разговор, случившийся тремя днями раньше. Государя озарила остроумная мысль. Он вдруг улыбнулся и оживленно сказал:

– Владимир Николаевич, спасибо, оставьте рапорт Соколова. Я обязательно сегодня же его рассмотрю.

Памятуя, что в одиннадцать следует принять Барка, управляющего Министерством финансов, протянул руку Воейкову:

– Я вас не задерживаю!

Дипломатические хитрости

Итак, тремя днями раньше, во вторник 20 декабря 1916 года, случился важный разговор. На утреннем приеме у государя был адъютант английского короля Георга полковник Берн. Среди прочих вопросов, которых коснулся англичанин, речь зашла о подводной войне. Король Георг желал, чтобы Россия активизировала свои силы в борьбе с германскими субмаринами. И теперь Берн начал хитрую игру. Он сказал:

– Германские хищники нападают на судовые госпитали, на торговые и пассажирские суда, вполне беззащитные. Так, с января пятнадцатого года по нынешний декабрь потоплено более пятисот британских судов.

– Господи! – воскликнул государь. – Более полутысячи судов! Воображение отказывается понять этот кошмар.

– Мой король уполномочил довести, государь, до вашего сведения следующее. Особенной жестокостью отличается подводная лодка нового типа UN-17 – «Стальная акула». Эта хищница – последнее слово техники. Она отличается небывалой надводной и подводной скоростями, сильным вооружением, большой автономностью плавания.

Государь, с особым интересом относившийся ко всему, что связано с флотом, слушал внимательно. Берн продолжал:

– Прежде «Стальная акула» пиратствовала в Средиземном море. Она напала без предупреждения и потопила наши госпитальные суда «Куин Элла» и «Гленарт», большой океанский пароход «Виктория» со всеми пассажирами, уничтожила несколько торговых судов. Когда терпящие бедствие садились в спасательные лодки или держались на плотиках, немцы безжалостно расстреливали их из пулеметов. Не жалеют ни детей, ни женщин.

Государь печально покачал головой:

– Сочувствую вам, это невиданная жестокость!

Опоздавший к началу встречи и вошедший минутой прежде военный министр Шуваев заметил:

– Фон Тирпиц именно Англии объявил неограниченную подводную войну! Но мы тоже успели пострадать. – И министр блеснул отличной памятью: – Пароход «Киев» был взорван в

сентябре прошлого года, как и госпитальное судно «Вперед», потопленное девятого июля. Из радиоперехвата наши установили: это жертвы «Стальной акулы».

Берн согласно мотнул головой:

– Да, никаких принципов!

Государь задумчиво посмотрел на английского гостя:

– Что мешает уничтожению злосчастной «Стальной акулы»?

Берн вздохнул:

– Ваше императорское величество, мы устроили настоящую охоту за UN-17. Так, с большой точностью определяли район действия лодки, устраивали засады, забрасывали бомбами с гидросамолетов, но она, словно невидимка, уходит от погони. Ведь, по ходовым данным, по продолжительности пребывания под водой – это вершина в развитии субмарин. Радиус действия «Стальной акулы» около десяти тысяч миль. После уничтожения «Виктории» известный неустрашимостью капитан третьего ранга Гордон Кембл устроил судно-ловушку.

Государь заинтересовался:

– Что это такое?

– Специально переоборудованный для борьбы с подводными лодками пароход-угольщик.

В начале декабря мы получили сведения, что UN-17 пиратствует возле острова Вальхерен. Судно-ловушка прибыло вовремя. Уже на второй день своего патрулирования она была вдруг атакована. Командир вовремя заметил торпеду, шедшую по направлению судна. Он в самый последний момент положил руля, и торпеда попала в кормовое отделение. Судно на две трети наполнилось водой. Команда изображала панику, часть ее пересела на шлюпки. Подводный хищник все еще находился в погруженном состоянии, метров с двухсот подозрительно наблюдая в перископ за происходящим. Затем, желая, видимо, удостовериться, что угольщик скоро пойдет ко дну, лодка направилась прямо на него и прошла совсем рядом, в каких-то саженях двадцати. – Берн все маневры, для большего впечатления, показывал руками. – Кембл прочитал на рубке название лодки – UN-17 и увидел множество белых крестов, изображенных краской, – победных знаков. Командир готов был ликовать, но, как скоро выяснилось, радость была преждевременной. Обогнав судно метров на сто, UN-17 стала всплывать. Ее задача была очевидна: спокойно расстрелять команду угольщика.

– И что дальше? – Глаза государя горели подлинным интересом.

Берн развел руками:

– Опытный Кембл на сей раз допустил промашку. Опасаясь, что немцы первыми откроют огонь, он не дал возможности отдраить люки на субмарине, что она наверняка сделала бы. Кембл приказал атаковать. Моментально взвился английский военный флаг, заградительные щиты упали, и пушки открыли стрельбу. Любая другая лодка тут же пошла бы ко дну, но корпус UN-17 оказался необыкновенно прочным. Стрельба, которая велась практически в упор, казалось, не причинила лодке ни малейших повреждений. Более того, «Стальная акула» в считанные секунды забрала балласт и спряталась в морских глубинах. Кембл провел бомбометание, но безуспешно.

Неосторожное обещание

Помолчали. Государь вопросительно взглянул на Берна:

– И что Англия намерена предпринять?

Тот неопределенно пожал плечами:

– Остается полагаться на счастливый случай: UN-17 или наткнется на боевые суда союзников, или подорвется на mine. – С притворным огорчением вздохнул: – Впрочем, у нас есть сведения печального рода. Как нам сообщили надежные информаторы, «Стальная акула»

с наступлением весны должна перебазироваться в Северное море. Именно тут субмарина собирается вести активную охоту на союзнические суда, и в том числе на ваши, государь.

Маневр военного дипломата был прост: начав охоту за одной подводной лодкой, русские невольно активизируют тотальную войну на море. Этого англичане давно добивались.

Время визита закончилось.

Государь пожал Берну руку и, провожая его до дверей, заверил:

– Придет час, и мы рассчитаемся со «Стальной акулой».

Берн, словно ожидая этого обещания, воскликнул:

– Вы намерены в ближайшее время уничтожить UN-17? Я могу сообщить об этом королю Георгу?

– Есть намерение, а это уже немало! – уклонился от прямого ответа государь, уже жалея о нечаянно вырвавшейся фразе.

Берн бульдожьей хваткой уцепился за это обещание:

– Громадное вам спасибо, ваше императорское величество! Ваши моряки – мужественны и умелы. Им вполне по силам справиться с любым врагом. Король Георг и английское правительство будут признательны вам.

Государь испытал неловкость. У него не было конкретного плана по уничтожению подводной лодки. И до сегодняшнего дня он ничего не знал об этой проклятой субмарине. Однако заверил:

– Примем безотлагательные меры!

– Непременно, ваше императорское величество, сегодня же отправлю королю Георгу зашифрованную телеграмму...

Царская честь

Хотя государь был сильно загружен делами, он то и дело возвращался мыслью к разговору с адъютантом английского короля. Человек долга, Николай понимал исполнение обещания как дело чести. После обеда он пригласил к себе вице-адмирала Рейценштейна – члена Адмиралтейского совета, и министра Шуваева. Государь хотел знать их мнение по поводу просьбы Берна. Мнение было единодушным: «На субмарине невозможно осуществить эффективную диверсию. Однако если у разведки есть к тому малейшая возможность, ее следует использовать».

Шуваев долго жал руку государю. В его глазах светилась надежда: «Может, пост министра за мной сохранят?» Нет, не сохранил. Зато после захвата большевиками власти Шуваев верой и правдой служил в Красной армии. Жизнь закончил обычным образом для того замечательного времени: в 1937 году, после издевательств и пыток, был расстрелян.

* * *

Вечером, закончив прием последнего посетителя – статс-секретаря, обер-гофмейстера Танеева, государь решил действовать. Он подошел к телефонному аппарату, покрутил рычаг, снял трубку, сказал:

– Барышня, соедините меня с полковником Батюшевым.

Через минуту услышал знакомый голос и сказал:

– Иван Тимофеевич, я прошу вас прибыть ко мне в это воскресенье, двадцать пятого декабря, к девяти пятнадцати утра. И пригласите Аполлинария Соколова. Разговеемся, Рождество Христово – мой любимый праздник. Заодно поговорим о войне с вражескими подлодками.

– Есть, ваше императорское величество! – отвечал руководитель российской разведки. Он тут же отправился в морской отдел, дабы освежить в памяти все, что касается германских субмарин, и изучить последние агентурные сводки.

* * *

Точно в назначенное время государь принял Батюшева – крупного, полноватого господина с коротким бобриком рыжеватых волос, одетого в штатский костюм, и Соколова. Царь находился в приподнято-праздничном состоянии духа, поздравил гостей с Рождеством, выпил с ними по рюмке-другой крымского вина. Обратился к Соколову:

– Как здоровье вашего батюшки? И что ваш сынишка, растет в отца – богатырем?

Соколов отвечал кратко, ибо понимал: сегодня всех интересуют иные, более важные вопросы.

Наконец незаметно перешли к главной теме: созданию Германией подводного флота. Батюшев сказал:

– Ваше императорское величество! Немцы хранят в строжайшей тайне место строительства лодок. Известно лишь, что в начале девятьсот второго года некий д'Эквили, человек неизвестной национальности – то ли француз, то ли испанец, по профессии инженер, одержимый страстью к субмаринам, приехал в Эссен. Никто не знает, где этот д'Эквили учился, где он получил практические знания, где проводил эксперименты. Зато мы знаем, что он добился встречи с Фридрихом Круппом и сумел убедить главу грандиозной фирмы воспользоваться его научными изысканиями по постройке подводных лодок. В девятьсот втором году Крупп приобрел верфь «Германия» в Гаардене, это недалеко от Киля.

Государь недовольно поморщился:

– Иван Тимофеевич, все это очень интересно, однако мне давно известно. Могу добавить нечто курьезное: именно в девятьсот втором году на верфи «Германия» под большим секретом соорудили первую крупновскую лодку. И она во многом повторяла субмарину «Жимнот», построенную по проекту француза Гюстава Зедэ еще в 1888 году. И по своим ходовым качествам была крайне слабой. Ее радиус действия был чуть больше четырех миль при трех с половиной узлах скорости. Батюшев с восторгом воскликнул:

– Государь, я поражен: вы великолепно разбираетесь в этом вопросе! И какая изумительная память, помните мельчайшие детали.

Государь тоном лектора продолжал:

– Эта лодка в сентябре девятьсот третьего года провела демонстрационный пробег перед германским императором, и даже сам юный кронпринц Генрих Прусский, любитель опасных приключений, сделал на ней переход. Более того, в этом переходе участвовал наш дорогой Аполлинарий Николаевич. Помните ли, граф, об этом?

– Как не помнить, ваше величество! Поверьте, сильное ощущение – наблюдать изнутри морское царство. Кстати, на другой год мы приобрели у немцев эту лодку, она стала называться «Форель» и была направлена на театр боевых действий с Японией.

Государь с легкой усмешкой сказал:

– Мне припоминается русская поговорка: «На всякого мудреца довольно простоты». Именно мудрый адмирал Тирпиц первоначально противился развитию подводного флота. В начале века он как-то мне сказал: «Субмарины – это оружие оборонительное, а Германия по конфигурации своих берегов и по географическому расположению портов в подводных лодках не нуждается!» Эту же мысль Тирпиц повторил и в рейхстаге. Я не стал разубеждать этого морского волка, но позже он и сам понял свое заблуждение.

Батюшев согласно закивал:

– Да, государь, нынешняя война показала: подлодки – грозное оружие. Они открыли новые возможности ведения войны на море, значительно изменили все ее способы. Полагаю, ваше императорское величество, что в будущей войне подводная лодка, наряду с авиацией, явится наиболее действенным оружием в борьбе на водных просторах. Немцы наконец это поняли. На море они не уступают англичанам. Но наша промышленность тоже интенсивно развивает строительство субмарин. И разведка, государь, не стоит в стороне. Агентурные сведения дали немало ценных материалов.

– А разве я не указывал на необходимость развивать военный флот? Мы обязаны на море стать самыми сильными.

Батюшев закивал головой:

– Да-да, государь, вы говорили об этом давно, еще до войны с Японией. Но как быстро пролетело время...

Государь, медленно смакуя вино рубинового цвета, согласился:

– Да, время бежит стремительно! – и обратился к Батюшеву: – Давно ли, Иван Тимофеевич, мы наслаждались жизнью в Ялте, бороздили Черное море на «Штандарте», пили замечательные вина Массандры... Кажется, что это было в другой, счастливой жизни. Но минуло менее трех лет, то было весной четырнадцатого года! Впрочем, господа, сегодня я пригласил вас, чтобы обсудить важный вопрос, связанный с подводной войной и престижем России.

Хищница

Государь прошелся по кабинету, неслышно ступая мягкими сапогами по ковру, остановился против Батюшева:

– Известно ли нашей разведке, что у немцев есть лодка UN-17, которая превосходит все, что когда-либо существовало в подводном флоте?

– Конечно, ваше императорское величество! – Батюшев знал о любви царя к морскому флоту. Более того, министр Шуваев по-товарищески подсказал: «Речь пойдет о субмаринах!» Батюшев немедленно отправился в морской отдел разведывательного ведомства. Там он узнал немало интересного: и об истории развития подводного флота, и о подводной войне, которая развернулась ныне повсюду – от Северного моря до Атлантического океана. Познакомился и с последними агентурными сводками.

Государь продолжал:

– Суда, в том числе и под российским флагом, стали жертвой этого подводного хищника! Англичане не могут уничтожить UN-17, они в панике. А если Германия создаст десятка три таких стальных акул?

Батюшев изобразил полнейшее внимание, уставился на переносицу государя и согласно кивал. Государь медленно, четко выговаривая каждое слово, произнес:

– Вы осознаете, чем это грозит России? В этом случае Германия станет царить на морских просторах. Это, скажу вам, поможет ей исправить то неблагоприятное положение на сухопутных фронтах, в котором сейчас она оказалась.

Батюшев вздохнул:

– Ваше императорское величество, сейчас, во время военных действий, разведке работать крайне трудно. Агентурная сеть терпит провал за провалом. Нарушены каналы связи. Но разведка делает все, что возможно...

Государь недовольно нахмурился:

– У нас какой-то дилетантский разговор: «судя по всему», «возможно», абы-кабы... Во всех делах я люблю точность и ясность. Что вам конкретно известно об этой субмарине?

Батюшев подготовился к разговору солидно, изучил документы, имевшиеся в архиве разведки. Он бодро начал:

– Название лодки – «Стальная акула». Это первая и пока последняя лодка новой серии. Российской разведке удалось добыть некоторые характеристики «Стальной акулы»: построена в доках Киля, спущена на воду в мае пятнадцатого года. Личный состав – сорок девять человек. Командир – знаменитый ас, капитан-лейтенант Отто фон Шпелинг, не человек – зверюга. Водоизмещение надводное – две тысячи сто тонн, подводное – две тысячи семьсот. Торпедно-минное вооружение: четыре носовых подводных аппарата, кормовые отсутствуют. Пятидесятисантиметровых торпед – девятнадцать. Исключительно высокая скорость: надводная – восемнадцать узлов, подводная – восемь с половиной. Два дизеля, каждый мощностью по три тысячи лошадиных сил, для подводного хода два электромотора мощностью по тысяче триста киловатт. Количество команды и офицеров нам неизвестно, как число и калибр орудий. По имеющимся сведениям, англичане полностью выяснили характеристики, но с нами своими разведанными делиться не торопятся.

Государь вздохнул.

– Увы, чем ближе к окончанию войны, тем союзники относятся к нам... – покрутил пальцем в воздухе, подыскивая мягкое выражение, – не всегда корректно. Зато мы ведем себя предельно честно.

Соколов подумал: «Уж куда честней! Если бы плюнули на обещание союзникам и заключили сепаратный договор с Германией, то нынче в государстве не было бы смут и шатания».

Государь задумчиво взглянул на Батюшева:

– Мощность моторов просто невероятна. Иван Тимофеевич, вы сказали, что «Стальная акула» – первая лодка новой серии? Значит, можно ожидать на водных просторах новых могучих хищниц?

– Так точно, ваше императорское величество! На верфях Киля начали строительство девяти подобных. Следующая из этой серии – U-142. У нее схожие характеристики.

– Да, таких лодок еще не было. Жаль, что англичане не смогли уничтожить UN-17. Теперь счастливый жребий выпал нам, – с грустной иронией заметил государь.

«За» и «против»

Государь вновь прошелся по кабинету, словно обдумывая, с чего начать разговор о главном. Наконец, четко и внушительно выговаривая каждое слово, произнес:

– Надо провести диверсионную операцию, уничтожить лодку или хотя бы вывести ее из строя. Это будет иметь большое политическое значение. Россия покажет союзникам: мы можем сделать то, что вам не под силу!

Соколов не произнес ни слова. Он, кажется, начал понимать, зачем его пригласили в Царское Село.

Батюшев со свойственной ему прямоотой решительно возразил:

– Государь, таких примеров история разведки не знала! Лодка – большое, сложное сооружение. Не только совершить диверсию, проникнуть на вражескую лодку нашему агенту – задача неразрешимая, но, даже оказавшись на ее борту, существенный вред причинить лодке нельзя. Простите меня, ваше императорское величество, диверсия – это из области фантастики...

Государь, жаждавший утереть нос англичанам, протянул Батюшеву конверт с рапортом Соколова:

– Вот знаменитый силач и неустрашимый воин сидит в кресле, пьет вино и скушает без дела. Что, наша разведка не нуждается в сильных и преданных людях?

Батюшев втянул ноздрями воздух и ничего не ответил.

– Может, Иван Тимофеевич, поручим нашему графу провести такую операцию?

– Я всегда готов, ваше императорское величество! – живо откликнулся гений сыска.

Батюшев поморщился, как от зубной боли.

– Я скажу правду в глаза. Вы, Аполлинарий Николаевич, выдающийся сыщик, атлет, боксер, красавец, игрок, покоритель женских сердец, вы бесстрашны и преданы государю и России. Все достоинства в вас! Но не обижайтесь на меня, Аполлинарий Николаевич, наше дело требует качеств иных. Одно неосторожное движение – и неминуем провал с самыми тяжелыми последствиями. – Повернувшись к императору, продолжал: – Увы, граф никак не подойдет для этой диверсии.

Государь с неудовольствием посмотрел на Батюшева:

– Почему?

– Потому что, – жестко сказал Батюшев, – наш славный граф своим гигантским ростом, барскими манерами, несдержанностью, фрондерством сразу обратил бы на себя внимание врага. – Повернулся к Соколову: – Ведь стоит нечаянно коснуться вас, как вы, Аполлинарий Николаевич, виновному снесете голову. Так?

– Оскорбление стерпеть – выше моих сил, – согласился Соколов.

– А настоящий разведчик должен помнить только о деле, а не о своей родовой фанаберии! И еще, он должен сливаться с толпой, быть внешне скучным, как стертая монета. – Вновь обратился к государю: – Но главное, ваше величество, граф не имеет должной технической подготовки.

Соколов иронически изломал губы, а государь возразил:

– Иван Тимофеевич, а у меня иная точка зрения. Что из того, что граф неподготовлен? Так подготовьте! – Улыбнулся Соколову: – Я уверен: Аполлинарий Николаевич с блеском справится с этой задачей. Не так ли?

Соколов вытянулся в струнку, глаза у него смеялись. Он с восторгом воскликнул:

– Так точно, ваше императорское величество! Коли прикажете, я разнесу на заклепки и «Акулу», и весь германский флот вместе с гросс-адмиралом Тирпицем.

Государь ласково улыбнулся:

– Альфреда фон Тирпица пока оставим в покое, но провести диверсию на UN-17 было бы замечательно. Дело действительно опасное, поэтому не приказываю – прошу...

Соколов, предчувствуя интересную работу, счастливо блеснул глазами.

– Только скорейшее уничтожение «Стальной акулы» может заставить немцев задержать выпуск новой серии лодок. Когда враги увидят, что и эти мощные субмарины могут гибнуть, как обычные, они станут совершенствовать их конструкцию. Так уйдет время, закончится война.

– В ваших словах, граф, много истины! – согласился государь. – Я надеюсь на вас...

– Я готов приступить к исполнению диверсионной операции! – воскликнул Соколов.

Батюшев схватился за виски.

– Как, уже? Быстро, однако! – И серьезным тоном настойчиво повторил: – История подводного флота таких примеров не знает.

Государь возразил:

– Зато истории известно другое: российские разведчики не раз творили чудеса... Вспомните операцию с той же фрейлиной Васильчиковой, в которой отличился наш граф.

Батюшев причмокнул губами, вспоминая среди сотен операций именно эту:

– С какой Васильчиковой?

Соколов невозмутимо ответил:

– Вы, господин полковник, обязаны по роду своей службы знать с «какой»! Да, да, с той самой, что была агентом Германии, засыпала государя предложениями сепаратного мира и которую я соблазнил в Глогнитце. Признаюсь, сделал это с большим удовольствием. Никогда не думал, что шпионка в кровати ничем не отличается от патриотки!

Батюшев от неожиданности на мгновение лишился дара речи, а государь тихо рассмеялся, прикрывая ладонью рот. (Ему неудачно вставили фарфоровые зубы, и по этой причине он порой делал вид, что поглаживает усы или почесывает нос.)

Соколов состроил каменную физиономию:

– Но я пошел на роман исключительно по оперативной необходимости!

Батюшев понял: царя не переубедить, тот уже все решил. С неудовольствием подумал: «Чем меньше человек разбирается в разведке, тем легкомысленней к ней относится. Вот и царь полагает, что тут игрушки. Это ведь не карманников в Москве отлавливать, Соколов себе шею в два счета сломает!» Вслух же почтительно произнес:

– Вы убедили меня, государь! Игра стоит свеч. Я свяжусь с нашими морскими специалистами. Для начала необходимо выяснить, в каком порту базируется эта субмарина. А это задача нелегкая. Эффективность нового оружия зависит от неожиданности его применения – немцы это понимают. Вы, граф, должны знать: оружие опасно лишь тогда, когда его тайна не разгадана противной стороной.

Государь строго посмотрел в глаза начальнику разведки:

– Разработайте план операции, подготовьте нашего графа...

– Обязательно! Не только Аполлинария Николаевича, но создадим и подготовим группу, которую он возглавит. И тогда начнем действовать.

Соколов возмутился:

– Какую еще группу? Какой план? Государь, умоляю вас, избавьте меня от этих кабинетных вояк. Они погубят ваш прекрасный замысел, они операцию будут готовить до второго пришествия. Мне не надо симпатических чернил, не желаю ни связников, ни шпионских тайников. Я хочу знать лишь одно: в каком порту я найду «Стальную акулу»?

Батюшев не удержал раздражения:

– Вам не нужны ни агентурная связь, ни документы, ни деньги? Что, пойдете в Берлине банк грабить?

– А почему не ограбить банк, если он вражеский? – удивился Соколов. – Ваше императорское величество, мой план прост...

Государь бросил взгляд на напольные часы и заторопился:

– Простите, господа, я скоро отправляюсь на обедню и хотел бы перед этим немного прогуляться. Вы можете проводить меня. На свежем воздухе закончим беседу.

Смелый план

Уже минут через пять государь, взяв под руку Соколова, шел по зимнему парку. Под сапогами громко хрустел снег. Государь спросил:

– Граф, каким образом вы намерены совершить диверсию на «Стальной акуле»?

– Я должен оказаться в прифронтовой полосе. Отсюда я сбегу к врагам. Затем я намерен внедриться в их разведку и буду искать возможности проникновения на «Стальную акулу». Оказавшись на субмарине, совершу взрыв, который надолго выведет ее из строя.

Батюшев скептически покачал головой:

– В вашем, граф, плане исполнимо все, кроме последнего пункта. Пусть германцы полюбят вас как национального героя, но это вовсе не означает, что вам удастся пробраться на сверхсекретную лодку. Впрочем, внедриться во вражескую разведку – это уже хорошо. Но и тут не обойтись вам без «почтового ящика» – агента, иначе все пойдет прахом.

– Передо мной стоит другая задача, – возразил Соколов. – Взорвать лодку... И хорошо бы бежать под чужой фамилией. Свое имя я не хочу позорить.

Батюшев, не скрывая возмущения, сказал:

– Как для религиозного фанатика есть только одно – воля Божья, так для разведчика есть только одна цель – выполнение задания. О каких таких «позоре» и «чести» вы говорите? С такими мыслями, граф, оставайтесь лучше дома, вылавливайте карманников...

Соколов, изображая гнев, раздул щеки.

– Государь, вы слышали, как этот тип меня оскорбил? – Он вдруг сграбастал Батюшева и бросил его в громадный сугроб, нанесенный под елью, да так, что наружу торчали лишь сапоги.

Государь не удержался, засмеялся. Он пожал руку Соколову:

– Аполлинарий Николаевич, прислушивайтесь к ведомству полковника Батюшева: разведчики – гордость нации, самые отважные, умные и хладнокровные люди.

Соколов веско заметил:

– Ваше императорское величество, исход операции, понятно, важен. Но еще важнее, что есть человек, готовый умереть за своего государя и отечество. Пусть грядущие поколения берут пример с нас, любящих Россию и своего государя сильнее самой жизни.

Государь растроганно произнес:

– Спасибо, мой друг! Сегодня следует поздравить конвой с Рождеством. И еще, господа, приглашаю вас на ужин. Аня Вырубова позвала дочерей несчастного Распутина, вместе будем трапезовать.

Государь, необыкновенно печальный, пошел прочь, и его одинокая фигура долго виднелась на пустынной дорожке, утопленной среди глубокого снега.

* * *

Ритмично и громко под ногами государя скрипел сухой снег. Он размышлял: «Да, именно так: не гоняться по морям-океанам, а взорвать в германском порту эту UN-17 – прекрасная мысль! Это произвело бы сильный эффект, главным образом на союзников. У них не вышло уничтожить, а мы – пожалуйста! Покажем, на что способен русский человек, да-с! К сожалению, Батюшев прав: задание для одного человека, даже для такого, как Соколов, вряд ли выполнимо. Я просто принесу Молоху войны еще одну жертву. А почему бы нет? Граф сам просится на передовую, все равно ежедневно станет рисковать жизнью. И куда благородней погибнуть, выполняя опасное задание, чем нарваться на случайную пулю-дуру».

Предвестник окаянных дней

Петербург, который с началом войны велено было называть Петроградом (что впредь и мы будем делать в нашем повествовании), празднично преобразился. Храмы наполнились молящимися. С высоких колоколен слетали и торжественно таяли в морозном воздухе медовые звуки.

Хотя в магазины мало завезли продуктов, но каждый чем-то раздобылся, столы пустыми не стояли. В домах наряжали елки. Дети мастерили игрушки и красили серебром грецкие орешки. Даже война не могла отнять у людей радость христианского праздника.

Но в мир, орошенный человеческой кровью, пришло нечто страшное. Словно в предчувствии какой-то небывалой и непоправимой беды, повсюду гуляли с каким-то неистовством: с безудержным пьянством, с горькой отчаянностью, с битьем посуды и физиономий.

В ресторанах летели вверх пробки шампанского, в трактирах реками текли вино и водка.

Полицейская команда ежедневно собирала на тротуарах богатый урожай – упившихся до бесчувствия, а порой и замерзших насмерть.

И в эти праздничные дни как никогда много, на каждом шагу, попадались люди в военных шинелях, немало было увечных – безруких и безногих. Появилось много беженцев и нищих. Все ругали войну и с нетерпением ожидали ее исхода – любого. Порой можно было услышать словно невзначай брошенное словечко:

– А что немцы? Чай, не глупей нас, дураков. Коли бы Расею завоевали, хуже бы не стало, потому как хуже некуда... Кормить, может, станут. А так – ни хлеба, ни мяса! Даже постираться нечем, где оно, мыло-то? Скоро все обвшивим. Склады, что ль, грабить идтить? Там, небось, буржуи всего невпроворот набили...

Толпу словно объяло безумие. Множество людей подпало под психоз разрушения. Газеты были наполнены извещениями об убийствах и самоубийствах. Разврат, пьянство, наркомания, гнусные извращения стали не только обычным делом тех, кто опустился на дно, но проникли и в высший класс.

Одни оргии сменялись другими. На Васильевском острове накрыли притон, в котором жены высокопоставленных чиновников отдавались за деньги. Скандал поспешили замаять.

Женщины требовали какой-то «эмансипации», хотя никто толком не понимал, что это такое. Некоторые представительницы прекрасного пола поняли это как необходимость сравниться в пороках с мужчинами и в амурных делах забыть всякую стыдливость. Теперь дамы из общества, уподобляясь дешевым проституткам, уже не стеснялись курить на людях, а в сумочках таскали кокаин. Ногти вдруг стали покрывать зеленым лаком. В обычай вошла и другая дикая мода: самыми красивыми решили считать тех дам, чье лицо было поражено болезненной

бледностью. Для этого смертного колера несчастные модницы пили... уксус. Многие навсегда испортили себе желудок и печень, некоторые отравились и умерли в жутких мучениях.

Журналисты, писатели и подрывные элементы (последние чаще всего действовали на германские деньги) изо дня в день внушали толпе ненависть к «эксплуататорам и буржуазии». Интеллигенция упорно долдонила о необходимости «демократических свобод», хотя свободы было с избытком. Если чего не хватало, так это благоразумия и выдержки.

Штатание

Злобой дня оставалось недавнее убийство старца Григория Распутина.

Те, что были умом попроще, а душой почище, ругали убийц – члена Государственной думы Пуришкевича, доктора Лизаверта и гомосексуалистов Феликса Юсупова и великого князя Дмитрия.

Зато люди утонченные, с университетскими значками на лацканах – завсегдатаи светских салонов и те, кто причислял себя к «прогрессивной интеллигенции», – открыто восхищались убийцами. В честь злодеев поднимали бокалы и произносили выпренные тосты, журналисты славили их на газетных полосах.

То, что прежде было презренным пороком и преступлением, теперь сделалось не только обычаем, но даже приобрело вид героический.

И все же солдаты на передовой честно выполняли свой долг. Зато те, кто находился в тылу, с радостью поддавались на агитацию платных агентов – большевиков – и требовали: «Войну прекратить!» Они открыто заявляли о необходимости бросить оружие и разбежаться по домам. Предводитель большевиков Ульянов-Ленин открыто ратовал за поражение России.

Крестьяне, подстрекаемые агитаторами, все чаще захватывали землю у помещиков, жгли их усадьбы. Среди членов Государственной думы и журналистов находилось немало таких, кто предлагал: «Раздать землю всем желающим!» Крупнейшие предприятия и железные дороги лихорадило от забастовок.

В стране было достаточно продуктов, но чья-то злая сила задерживала поставки в Петроград, Москву и другие крупные города. Возле магазинов в последние месяцы возникло небывалое прежде зрелище – длиннющие очереди, которые кто-то с печальным остроумием назвал «хвостами».

Газеты и журналы рекламировали небывалые книжки: «Как заменить мясо?», «Как обходиться без сахара?», «Средство от истощения». Или для детей – «Штурм. Военная игра для малышей».

Война надоела всем. Даже ура-патриоты растратили пыл и все реже и неубедительней призывали «сражаться до победного конца».

Ежедневно Соколов с ужасом наблюдал, как рушилась великая империя. На улицах все чаще попадались дезертиры, направлявшиеся через столицу в родные деревни. Они лузгали семечки и ругали государя:

– Ишь, пугало сидит на троне! Одна сплошная эксплуатация. Скинуть Николку с трона да в Неве утопить! Хватит, попили нашей кровушки. Тут один умный человек говорил, что теперь должно быть для всех одинаковое равенство...

И все, включая аристократов, богатых помещиков и государственных чиновников, соглашались с мыслью: монархия изжила себя. Всю полноту власти необходимо передать Учредительному собранию.

* * *

Соколов, верный давней привычке, любил побродить по городу. Однажды он был поражен: по Невскому тянулась вереница подвод, груженных испорченными мясными тушами. В воздухе разносился тошнотворный запах гнили.

Народ, часами простаивавший в очередях, чтобы хоть что-нибудь купить съестного, собирался на тротуарах толпами, громко возмущался:

– Что творится! Наши дети пухнут с голода, а тут мясо гниет, везут его на мыловаренный завод. А в газетах опять пишут: в Сибири на станциях лежат битые туши. Запас в полмиллиона пудов, так-то! И не отправляют, дескать, потому, что нет паровозов. А первая оттепель наступит, и все пуды стухнут. Ей-богу! Заставить Николку сожрать эту тухлятину, тогда он знал бы. Своего наследника, поди, эклерами пичкает, а нашим деткам корки черствой уже не стало. Гнать метлой такого царя!

Гнев нарастал, трон и вековые государственные устои шатались.

И все же еще была возможность подавить, утихомирить распоясавшуюся вольницу. Надо было проявить волю и приложить к делу твердую руку.

Однако государь, погруженный в дела военные, больше думал о врагах внешних, нежели о внутренних, хотя последние стали опасней первых. А количество дезертиров и смутьянов прибывало с каждым днем.

Рождество в Царском Селе

Батюшев и Соколов, прогулявшись по парку Царского Села, отправились в полупустой офицерский буфет. Тут они пропустили под холодец перцовки, а теперь пили чай и деятельно что-то обсуждали.

Неслышно вошел дежурный офицер. Он увидел любопытную картину: Соколов и Батюшев сидели за столом у самовара и жарко спорили. Впрочем, больше говорил Соколов. Он был весьма увлечен, а Батюшев удивленно покачивал головой, не соглашаясь. До слуха дежурного донеслось:

– Нет, это вы, Аполлинарий Николаевич, через край хватили! Слишком риска много. Дас... Нет, это невероятно.

– Вся сила – в необычности приема! – горячился Соколов.

– Без нашей помощи в нынешних военных условиях вам никогда до линии фронта не добраться...

– Помощники – ненужные свидетели.

– Это люди проверенные, надежные.

Дежурный, желая обратить на себя внимание, кашлянул и торжественно произнес:

– Господа полковники, их императорские величества приглашают вас в манеж, на царскую елку для конвоя.

* * *

Когда Соколов вошел в манеж, он ощутил знакомый запах конского пота, седельной кожи, навоза и еще чего-то неопределенного.

Но теперь к этому прибавлялся аромат свежей хвои. Все стены до потолка были забраны елями. В правом углу манежа высилась густая ель. Она была украшена электрическими лампами, множеством игрушек, весело блестевших при ярком свете. На особом столике – стеклянный ящик. В нем лежали билетки, которые царская стража будет вынимать «на счастье!».

Во всех билетиках царскими детьми были написаны номера. И тут же, на полках, под соответствующими номерами расположились коробки и красивые упаковки – это подарки.

Полы были застланы коврами разных размеров и расцветок.

Вдоль стен выстроился в ожидании государя батальон собственного его величества Сводного пехотного полка, для которого и были припасены подарки. Напротив елки поставили мягкие стулья и диван с низкой спинкой, все явно из дворцового гарнитура.

Немного левее, против елки, на таких же стульях сели восемь балалаечников, а впереди всех – с мандолиной – известный виртуоз унтер-офицер Ткачев.

За стульями – песенники. За ними встали нижние чины железнодорожного батальона и чины дворцовой полиции. Все были в парадной форме, с тем особо торжественным и напряженным выражением лица, которое бывает лишь на праздничных собраниях.

На особых местах, рядом с небольшой эстрадой, воздвигнутых из оструганных досок, разместились офицеры и несколько гостей, знаменитых артистов. И тут же на стульях, возле Анны Вырубовой, сидели облаченные в траурные платья дочери Распутина – Варя и Мария.

Соколов всем поклонился и опустил могучее тело в кресло.

* * *

И вот на обе створки распахнулись двери.

Медленным, торжественным шагом вошли государь с наследником, с четырьмя дочерьми и супругой. Рядом шли великая княгиня Ольга Александровна, сестра царя, а также великий князь Михаил Александрович. Все поднялись. Августейшая семья прошла к креслам.

Государь был в белой форме лейб-гвардейского 4-го стрелкового батальона. Ясным, чистым голосом он произнес:

– Всех поздравляю с Рождеством Христовым. Желаю радостей душевных, а людям военным – отличной службы.

По залу прокатилось могучее троекратное:

– Ура! Ура! Ура-а!

Ткачев взмахнул рукой, музыканты заиграли и стройно запели «Боже, царя храни».

Национальный гимн с воодушевлением подхватили песенники, а также батальон в составе двух рот.

Пели стоя, с воодушевлением: и государь, и наследник – этот особенно старался. Даже генерал Комаров залихватски крутанул вверх усы и начал старательно подтягивать неожиданно высоким голосом.

Соколов, напротив, норовил сдерживать свой густой баритон, старался не выделяться. В своем кругу за мощность звука гения сыска с доброй улыбкой называли «Федором Шалыпиным», но сам граф о своих певческих талантах был самого скромного мнения и не желал вносить диссонанс в общую стройную ноту.

Концерт никто не вел. Конферанс, как таковой, совсем недавно появился на эстраде в лице ядовито-остроумного петербуржца Алексея Алексеева и Никиты Валиева из московской «Летучей мыши», но в царский дворец конферансье дороги еще не нашли.

Так что на помост без объявления поднялась женщина в крестьянском костюме и с самым простонародным скуластым, округлым лицом. Присутствующие восторженно задышали:

– Вот она, Надежда Плевицкая!

Знаменитая певица еще не успела полностью избавиться от потрясения, которое она испытала в дни пребывания на фронте: кровь, трупы, страдания вызвали у нее нервную болезнь.

Плевицкая спела что-то из народного репертуара – «Иванушка», «За морем синичка» и другие. В заключение исполнила романс «Умер бедняга в больнице». Рядовые чины, не имея привычки, неловко хлопали в ладоши.

Затем на помост легко выбежала другая знаменитость – мужчина-красавец с копной темно-каштановых волос, с крупными чертами лица на выразительном лице – любимец публики и особенно дам, артист киевского Театра оперетты Михаил Вавич. Под гром аплодисментов он бархатным баритоном спел романс «Время изменится», а на бис – «Очи черные».

Вновь наступила очередь хора. Красиво выводили любимую государем, трогательную своей наивностью солдатскую песенку «Любезный друг, уведомляю». Когда дошли до слов:

Признаться, скучно быть зарытым
Далеко от родной земли!
Умри я лома – нал убитым
Друзья поплакать бы могли.
Прощай, не плачь,
Я умираю, тебя мне больше не видеть!
В полку, куда я поступаю,
Нельзя уж отпуска достать, —

на глазах государя заблестели слезы, и он полез за платком.

Соколов подумал: «Какое чувствительное сердце у царя! А праздник, однако, почему-то грустный. И небывалое дело – даже хористы все трезвы. Двор поражен убийством Распутина. А Григорий в случае своей смерти предрек августейшей семье погибель...»

Будильник

Но вот подошла минута, которую всякий раз с удовольствием ждут участники дворцового праздника, особенно солдатушки, – началась раздача подарков.

Конвойные подходили к ящичку, доставали фант, на котором был написан номер. Фант переходил к генералу Комарову. Тот громко, словно при игре в лото, выкрикивал номер. Великий князь Михаил Александрович и великая княгиня Татьяна Николаевна снимали с полки коробку и передавали гостю.

Государь ласково улыбнулся:

– Аполлинарий Николаевич, не побрезгуйте царским подношением. Пожалуйста, вытащите из ящичка номер. Какой у вас? Тринадцатый!

Наследник Алексей Николаевич, давно обожавший Соколова, сорвался с кресла. Он опередил сестру, сам снял с полки коробку, на которой было написано «№ 13». Протянул гению сыска:

– С Рождеством Христовым, Аполлинарий Николаевич!

Соколов заговорщицки шепнул:

– Откроем вместе!

Наследник и сыщик отошли в сторону, встали у елки.

– Ваше высочество, открывайте!

Алексей Николаевич воскликнул:

– Вам, Аполлинарий Николаевич, повезло! Смотрите, будильник. Ой, какой замечательный! Давайте закрутим пружину, пусть позвенит! А это что? Шоколад фигурный фабрики Эйнема. Вкусный, наверное?

– А что еще?

– Пустяки сушие! Серебряные чарка и чайная ложка. Могли бы что-нибудь интересней положить.

– Например?

– Еще один будильник.

Соколов улыбнулся, подумал: «Цесаревич еще совсем ребенок». Вслух произнес:

– Алексей Николаевич, прошу вас, разделим: мне чарка с ложкой, а вам шоколад и будильник.

Наследник сделал кислое лицо:

– Доктор Боткин сладости мне не позволяет, а будильник... Разве вам он не нужен? Вот спасибо! Он мне нравится: желтенький, с эмалевым циферблатом! У меня такого не было. Я буду будильник заводить, а когда он станет звенеть, всегда стану вспоминать вас, Аполлинарий Николаевич!

Соколов не удержался, подхватил на руки замечательного мальчугана, поднял его высоко вверх. Алексей Николаевич захохотал:

– Еще, еще выше! Подбросьте к потолку, я не боюсь... А я иногда с гантельками занимаюсь, как вы меня учили. Помните, когда я еще маленьким был, в позапрошлом году?

Не знали друзья – царственный мальчуган и русский богатырь: они видятся последний раз в жизни. Более того, с именем цесаревича Алексея для Соколова будет связан, пожалуй, самый страшный эпизод его жизни.

...Раздача подарков окончилась. Солдаты оживленно обсуждали доставшиеся им трофеи. Государь поднялся со своего места:

– Благодарю вас всех за службу, храни вас Господь! А теперь всех приглашаем в столовую нижних чинов. К сожалению, я вынужден покинуть вас. – Он посмотрел на Батюшева: – Иван Тимофеевич, следуйте за мной!

Соколов вместе с наследником направился в столовую.

* * *

Солдатская столовая представляла громадных размеров двухсветный вытянутый зал. С обеих сторон возле окон расположились столы, сбитые из массивных, тщательно оструганных и покрытых лаком досок. По случаю праздника их накрыли белоснежными скатертями.

Стены украсили бархатными портьерами, в простенках висели портреты русских царей.

Ужин был нехитрым и вкусным: соленые грибки и капуста, маринованные огурцы и помидоры, селедка с картошкой, отварной судак, куриные котлеты, а на десерт – лесные орешки и моченые яблоки.

В серебряные чарки – их в подарок от государя нынче получили все – налили янтарную водку «Сухарничек». Выпили за Рождество Христово и за здоровье царской семьи. За последнее Рождество монархической России...

Отчаянный шаг

Через полчаса в столовую вошел офицер в шинели. Он отыскал глазами Соколова, приблизился к нему, негромко произнес:

– Господин полковник, государь прогуливаются по парку, приказали вам срочно прибыть!

Соколов вышел на воздух.

Мороз усилился. Время от времени в тихой ночи раздавался сухой и громкий звук треснувшего дерева. Млечно-фосфорная луна с темнеющим пятном посередине повисла низко над

дальним черным лесом. Зато мелкие звезды, не затуманенные облаками, в великом множестве, словно бриллианты, рассыпались по небосклону.

Узкая, но хорошо пробитая тропинка вела к Александровскому дворцу.

Государь и Батюшев, что-то заинтересованно обсуждая, прогуливались около главного входа.

Увидав Соколова, появившегося из темноты, государь зябко поежился, поднял воротник довольно легкой шинели и сказал:

– Морозит, однако! Милый граф, вы меня несколько удивили...

Он шел на шаг впереди спутников, пяткой сапога надавливая на крепко хрустевший снег. Остановился, поднял голову, словно тщательно разглядывая беспредельность, уходившую в черную провальность неба, и глухим голосом произнес:

– Мне часто приходят на память сцены «Войны и мира». Помните слова умирающего князя Андрея? «Ничего нет в жизни, кроме ничтожества всего понятного мне и величия чего-то непонятного, но важнее...» Господи, это надо так точно сказать! Все это сознают. Но так коротко и понятно еще никто не выразился: «Величие непонятного, но важнее!» Нет, сам человек не в силах так сказать, надо, чтобы сила самого Создателя заговорила в художнике.

Помолчали. Государь ласково произнес:

– Впрочем, милый граф, вернемся к нашей теме. Мне Иван Тимофеевич вкратце поведал о плане, который вы предложили. Очень необычный и рискованный план. Поверят ли нам немцы?

Соколов позволил себе почтительно не согласиться:

– Государь, для того-то я и предлагаю этот необычный ход, чтобы нам поверили.

Батюшев вставил слово:

– Аполлинарий Николаевич, вы рискуете не только своей головой, но главное – всей операцией и нашими ценнейшими агентами.

– Я рискую больше, чем головой...

Государь посочувствовал:

– Да, пострадает ваше честное имя, ваша репутация. – Остановился, положил руку в перчатке на грудь Соколова. – Мы понимаем: для ваших близких уготованы переживания тяжкие.

– Да, государь! Боюсь, что эта история убьет отца. Он давно болеет, совсем ослаб. И жена... моя Мари. Представляю, что они станут думать обо мне! Но интересы отечества дороже моей чести.

Батюшев, не скрывая в голосе удовлетворения, произнес:

– Я понял, что вы не посвятите семейных в наш план?

– Конечно нет! Ведь если они хотят вновь увидеть меня живым, то я обязан молчать. Секреты, выпущенные на волю, имеют особенность разлетаться далеко.

Государь согласился:

– Вы правы! Старая истина: пока ты один владеешь тайной, она твоя раба. Как только тайна стала достоянием двоих, ты делаешься ее рабом.

«Рубидор»

Соколов, чувствуя, что он сейчас обязан сказать самое главное, во что свято верит, остановился против государя и, глядя ему в глаза, произнес:

– Как бы сильно ни любили мы своих близких, дело, которому мы служим, наша великая Россия и царский престол – превыше всего. Я только так понимаю свой долг. Слово офицера: жизни не пожалею, но выполню, государь, ваш приказ!

Государь стянул мягкую кожаную перчатку, протянул руку:

– Я горжусь, что среди моих подданных есть подлинные герои.

Батюшев поспешил предложить:

– Может, дадим Аполлинарию Николаевичу эту агентурную кличку – Герой?

Соколов поморщился:

– Это нескромно, похоже на насмешку. Представьте: я подписываю донесение: Герой. Смех, да и только!

Государь заметил:

– Если не возражаете, господа, пусть кличкой станет S-25. – Окинул взглядом собеседников. – Кто из вас сумеет расшифровать?

Батюшев задумчиво уставился в небо, а Соколов ответил:

– Полагаю, что S – первая буква моей фамилии в латинском написании. Но что означает двадцать пять?

– То, что это агентурное имя вы, Аполлинарий Николаевич, получили в замечательный рождественский день – двадцать пятого декабря.

– Да, очень удачно. Поздравляю с крещением. Будете новым именем подписывать свои сообщения, – сказал Батюшев.

Государь сделал шаг к Соколову, встал так близко, что ясно ощутился тонкий аромат изысканного цветочного одеколона «Рубидор». Государь вдруг понизил голос, словно кто-то мог в этой беспредельной ночной пустыне услышать:

– Если, Аполлинарий Николаевич, не приведи Господи, с вами случится самое плохое, обещаю: я самолично расскажу о подвиге вашему батюшке и вашей супруге.

– Спасибо, государь. У меня единственная просьба: позаботьтесь о супруге Мари и моем сыне Иване. Ему еще нет трех лет.

– Я сделаю все, что будет в моих силах, – заверил государь. – Простите, я должен немного погулять в одиночестве. Утром мне делает доклад морской министр Григорович. Речь, кстати, пойдет и о подводной войне. – Выпустив клуб морозного пара, с горечью произнес: – Ах, проклятая война! Приходится жертвовать... – быстро поправился, – рисковать самыми лучшими людьми. Я буду молиться за вас, граф.

И государь, странно одинокий в этом обширном заснеженном пространстве, зашагал в темноту, а вскоре смешался со страшно чернеющими на снежном пространстве деревьями.

Соколов долго глядел вслед государю, и от тяжелого предчувствия сжалось сердце: «Увижу ли еще раз?»

Лунный свет

Государь вернулся в уютное тепло Александровского дворца. Пройдя в кабинет, подошел к высокому окну, открыл его. В лицо ударил острый морозный воздух, заслезился правый глаз, который в последнее время быстро уставал, и его порой сводила резкая боль.

В мире царила небывалая тишина. Снег около дворца был ярко освещен светом, шедшим из окон. На дороге снег был изрезан полозьями, зато в парке лежал пушистым, нетронутым покрывалом, изумрудно искрился под луною. Горьковато тянуло дымом.

Около подъезда, поскрипывая по снегу валенками, расхаживал с винтовкой караульный. Государь узнал в нем старослужащего рядового Лаврова. Тот на звук открываемой рамы поднял голову, поглядел на своего царя и, как показалось тому, улыбнулся доброй улыбкой. И опять часовой продолжил топтать по отведенной для этого линии.

Государь почему-то умилился всей этой зимней картиной, этому солдату из деревенских, который покинул семью и кров, чтобы охранять своего царя. Невольно вспомнились стихи наделенного божественным поэтическим даром великого князя Константина Романова. Глубоко вдыхая ледяной воздух, государь тихонько, чуть шевеля губами, прочитал:

О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловещий ворон в белизне хрустальной.
И лунный свет, и глушь, и немота...

На душе, измученной многими неурядицами, стало как в далеком детстве – сладостно и покойно, хотелось в молитвах благодарить Создателя за свою жизнь, за чарующую красоту мира. Государь перекрестился: «Да будет, Господи, воля Твоя, а не моя». По лицу скатилась слеза...

Ошеломляющее известие

После убийства Распутина царская семья пребывала в мрачном унынии. Все помнили страшное предсказание старца: «Пока я жив, с монархом ничего не случится, а погибни я – рухнет трон и династия».

Даже рождественская елка и праздники не разогнали зловещего сплина.

Зима бежала в обычных хлопотах, заботах и радостях.

К радостям относилось новое развлечение.

В солнечный воскресный день 15 января 1917 года решили устроить катание. Было тихо и безветренно. Дымы поднимались в голубое морозное небо прямыми столбами.

После завтрака государь и все августейшие дети были в церкви на обедне, а в два часа пополудни уселись на снеговые сани с мотором – на передних колесах автомобиля укрепили две широкие лыжины, а на задние колеса – гусеницы. Этот агрегат мог бегать по снежной целине и не застревать даже в глубоких оврагах.

В санях нашлось местечко и сорокавосемилетнему генерал-квартирмейстеру штаба Верховного главнокомандующего Лукомскому.

Сани неслись по полям и замерзшим болотам вдоль Гатчинского шоссе, лихо спускались с гор, ныряли в крутые овраги. У цесаревича замирал дух, но глаза светились редким счастьем. Он вскрикивал:

– Дяденька Филимонов, пожалуйста, подымитесь во-он на тот холм!

Шофер, в чине капитана, добродушно улыбался в густые пшеничные усы:

– Крутенько, ваше императорское высочество! Мотор, опасаюсь, не осилит.

Цесаревич, вцепившись вязаными варежками в поручень, умолял:

– Иван Владимирович, вы попробуйте!

Мотор стучал, кашлял, задыхался, но справлялся: сани вползали из последних сил на крутой бугор. Сверху открывался прелестный, словно на картине живописца Клевера, вид: темного изумруда елочки, утонувшие в глубоком снежном ковре, смолистые хвои, темные на эмалевом фоне неба, а на взгорке – избушка лесника с ярко освещенными окнами и по-зимнему низкой, толстой от снега крышей.

Подкатали к Пулково. Лавируя между сосен, еще раз взобрались на высокую гору и на сумасшедшей скорости скатились вниз. Алексей уселся рядом с водителем, надел шоферский шлем и натянул на глаза очки, которые из-за несоответствия размера постоянно сваливались на нос.

Снега стояли высокие, но сани нигде не застряли, лишь однажды на резком повороте чуть не перевернулись. Государь приказал водителю:

– Не надо столь быстро, Иван Владимирович, поезжайте осторожно!

Вернулись через Баболово на закате, когда апельсиновый, в морозном мареве диск солнца спускался за зеленовато-серый вал стылого леса. Все были веселы, румяны, очень голодны.

Государь, утомленно улыбаясь, заметил:

– Какая необычная поездка! Сколько радости на свете, и все это идет мимо нас... Обидно!

– Еще бы, – рассмеялась великая княжна Ольга. – Ведь не каждый день российского самодержца едва в сугроб не переворачивают.

Государь распорядился:

– Десять минут на переодевание, все идем гулять в сад, и затем – обед. – Лукаво взглянул на супругу: – Сегодня ты, Алике, не станешь жаловаться на отсутствие аппетита?

– Сегодня я голодна, как серый волк!

Государь тут же ответил:

– Полагаю, не тот, который жаждал съесть графа Соколова. В прошлый раз хищник кончил плохо: его шкура теперь лежит у графа под роялью.

Императрица спросила:

– Неужели граф голыми руками задавил волка?

– Именно так, Алике! – отвечал государь. – Вообще в старину на Руси было много силачей. Даже среди известных лиц, скажем, капитан Лукин, двухметровый гигант Александр Суворов – сын полководца, герой двенадцатого года генерал Василий Костенецкий, поэт Лермонтов. Даже мой папа, государь Александр, сдавливал в кулаке большое антоновское яблоко так, что из него сок капал. Или у нас в библиотеке хранится серебряный рубль, который мой папа скрутил в рожок.

Цесаревич взял отцовскую руку, заглянул ему в лицо и весело сказал:

– Я очень люблю читать «Русскую старину». В одном из старых номеров написано про крестьянку Тверской губернии. Она была невероятно сильна: гнула подковы, зараз вбивала ладонью большой гвоздь в стену. Однажды ей надоедал знаменитый моряк-богатырь Тимашов. Она сгребла его в охапку и швырнула с такой силой на пол, что тот долго приходил в себя. Я, папа, горжусь, что я русский.

Все вновь улыбнулись. Цесаревич мечтательно произнес:

– Эх, как я хочу быть таким сильным, как наш граф Соколов! Папа, почему бы не пригласить Аполлинария Николаевича? Вот он ловко покатал бы нас на снегоходе! Уж у него никогда мы не перевернулись бы...

Генерал Лукомский откашлялся и сказал:

– С полковником Соколовым произошла неприятная история. Он физически оскорбил дежурного офицера военного министра.

У императрицы вытянулось лицо.

– Что такое?

– Граф в манеже выбросил дежурного через окно на улицу – вместе с рамой. Военный суд разжаловал его, и Соколов в звании рядового будет отправлен на фронт.

Императрица с удивлением взглянула на Лукомского:

– Что значит «разжалован до рядового»? Почему так строго?

– Ему припомнили много прежних грехов. Эта выходка в манеже далеко не первая, – спокойным тоном произнес Лукомский, который в силу своей должности был посвящен в операцию на «Стальной акуле».

Наследник крикнул:

– Это жестоко! Аполлинарий Николаевич – герой войны, у него есть ранения и Георгиевское золотое оружие. А его – солдатом на передовую... – Голос Алексея сорвался, а глаза наполнились слезами.

Лукомский, желая смягчить положение, торопливо заговорил:

– Алексей Николаевич, не переживайте! Граф Соколов быстро отличится на войне, и ему вернут звание полковника, да еще наградят за храбрость Георгием.

– Правда? – Лицо наследника просветлело.

Государь заверил:

– Я лично не сомневаюсь в отличных качествах графа. – Он не сказал о том, что знал: Соколов уже проходит науку в школе разведчиков.

«Кукушка»

Ежедневно ровно в половине восьмого утра Соколов появлялся в большом доме под номером 22 по улице Гоголя, по соседству с редакцией любимого всей Россией журнала «Нива». Здесь размещалась «кукушка» – конспиративная квартира российской разведки.

Занятия на курсах проходили индивидуально. Преподаватели, сменяя один другого, знакомили Соколова с основами психологии немцев, с организацией германской армии, со способами распознавания различных родов войск, учили определять по внешнему виду типы судов и боевых кораблей. Особое внимание уделялось устройству подводных лодок и возможной на них диверсии. Соколов с особым интересом отнесся к дисциплине «Подрывное дело». Кроме того, инструктировали, как держать себя при возможном задержании.

* * *

На дверях конспиративной квартиры, что на четвертом этаже, висела позолоченная табличка: «Елизавета Иосифовна Пушкина-Бачинская». Это была корпулентная дама с неохватным бюстом и могучим голосом. Она содержала «кукушку»: встречала гостей из военной разведки, поила их чаем, а порой, по желанию гостей, ставила на стол обед и запотелый графинчик. В этих редких случаях заводили граммофон и слушали пластинки с записями Вяльцевой, Шаляпина, Вавича, Морфесси и казачьего хора Колотилина.

За всю эту полезную деятельность дама ежемесячно получала жалованье в разведке. Причем по неизвестной причине жалованье постоянно колебалось. В конце концов Елизавета Иосифовна сама запуталась и точно не знала, какие деньги ей ожидать в следующий раз.

Впрочем, сама разведка в своих делах порой запутывается так, что разобраться не умеет, где уж даме судить о замыслах этой уважаемой организации.

Квартира была обычной и состояла из четырех комнат. И мебель была как у всех достаточных людей: в столовой под фарфоровой люстрой буфет с наборными стеклами, большой дубовый стол с резными ножками, двенадцать мягких, обитых полосатой материей тяжелых стульев вокруг стола и еще шесть – вдоль стен. В гостиной, как и положено, в углу под редко снимаемым чехлом – рояль, рядом – невысокий столик с упоминавшимся граммофоном и двумя ящиками для пластинок, далее – кожаный диван с высокой резной спинкой, два громадных и тоже кожаных кресла. Вдоль торцевой стены красовался шкаф с русскими, французскими и немецкими книгами и журналами эпохи Николая Павловича, а на стенах повсюду – в рамках фотографии, фотографии...

Еще был небольшой кабинет за плотными дубовыми дверями. На стене, в простенке между окон, висел в бронзовой раме совершенно замечательный своей аляповатостью шедевр неизвестного маэстро – «Лебеди летят». Дальняя комната была отведена под спальню. Тут половину пространства занимали две большие кровати, а еще был бархатный пуфик, трюмо, козетка, ковры.

Как во всех домах той прекрасной эпохи, были два выхода – парадный и черный. И был еще ход – на чердак. Когда хозяйка открывала двери Соколову и тот начинал снимать шинель, навстречу из гостиной непременно выходил начальник разведывательной школы по фамилии Нестеров, фигура настолько примечательная, что заслуживает особого внимания.

Бдительный Нестеров

Капитан Нестеров работал в российской разведке еще со времен Александра Александровича. Это был непримечательный человек неопределенного возраста, с бесцветными глазками, в стоптанных башмаках, с обширной плешью и торчащими седыми клоками возле ушей волосами. Сотни людей с подобной внешностью сидят за конторками банков или за восемьдесят рублей протирают штаны счетоводами.

Нестеров обладал одной особенностью: в каждом встречном видел шпиона, по крайней мере потенциального, будь то официант ресторана, молочница с бидоном или даже любимая жена. Хотя его доброжелательная улыбка, готовая каждое мгновение появиться на устах, ровное, дружелюбное отношение ко всем, с кем приходилось сталкиваться, никак не выдавали эту подозрительность.

Начальство Нестерова ценило. И не случайно. Именно он в 1910 году сыграл одну из первых ролей в деле разоблачения шпионского гнезда в Ковне. Произошло это почти случайно.

Нестеров по служебным делам прибыл в пограничный городок Ковна. И тут у него заболела печень. Он заглянул в ближайшую от гостиницы «Савой» аптеку. Фармацевт по фамилии Зальцман встретил его как родного папу:

– Ах, у нас тоскует печень? Как это неприятно! Моя Циля на прошлой неделе съела жирного поросенка, так у нее разыгралась печень, и она была готова лезть от боли на стену. Вы, простите, откуда к нам прибыли? Ах, из самого Петербурга! В вашем большом городе есть всего. И это хорошо. Вы, я сужу по выправке, военный? Вот видите, я угадал. И при ходьбе левую руку к бедру прижимаете. Это знаете почему? Потому что привыкли шашку придерживать, хи-хи! Ваш чин, простите, большой? А у нас место тихое, хорошее лекарство тоже имеем, но с большим трудом. На вашу радость, только что получил по большому знакомству волшебные таблетки – кератином. Платите каких-то три рубля, запиваете водой и через десять минут можете идти наслаждаться жизнью или, что гораздо хуже, на совещание. Впрочем, вы, наверное, приехали в гости? Фузельские – это, случаем, не ваши родственники? Ихний мальчик очень похож на вас, господин... Простите, хочу быть вежливым, называть по имени-отчеству, вас как зовут? Борис Николаевич? У нас директор мужской гимназии тоже Борис Николаевич. Представляю, как скучно молодому человеку вечерами в нашей дыре. Будьте так любезны, Борис Николаевич, приходите сегодня ужинать, моя Циля прекрасно готовит бараньи ноги. Можете не думать об том, что выпить и чем закусить... А в карты господин офицер любит играть? Под маленький интерес можем партию раскинуть. – Игриво подмигнул. – А у меня как раз гостит племянница Софа, ах, чудная ягодка. – И он поцеловал кончики своих пальцев. – Составит нам компанию...

Вот такой веселый и милый фармацевт! Только подозрительному Нестерову что-то в этом человеке не понравилось. Больше того, уже после пяти минут знакомства он готов был дать руку на отсечение, что этот фармацевт – шпион.

* * *

За домом установили наружное наблюдение. Выяснилось, что фармацевта регулярно посещает писарь саперной бригады унтер-офицер Воронов. И с некоторых пор живет этот Воронов на широкую ногу. Год назад из казармы перешел на частную квартиру, много проигрывает в карты, тратится на ресторан и проституток.

Вскоре Воронову подсунули дезу – план оборонительных сооружений фронта, потом еще два клала сфабрикованные документы. Но пришел день, и последовал приказ начальства: «Арестовать!»

Когда Воронов в очередной раз пришел к фармацевту, их накрыли. На столе лежали копии секретных документов, оттиск мастичной гербовой печати Виленского военного округа и прочее. Начался обыск.

Фармацевт возмущался:

– Чего есть в моем доме? Ничего нет, только сушеных мышей по углам. Чтоб мне сдохнуть на этом месте! Разве я шпион? Не смейте об том заикаться.

Но контрразведчики не зря вели визуальное наблюдение. Подняли доску подоконника, вынули оттуда громадную сумму – около пятнадцати тысяч рублей золотом.

Фармацевт в первый день после ареста, как положено, все бурно отрицал, клялся и божился, что чист, яко библейский голубь перед Авраамом. На второй день сидения в камере затосковал и рассказал, что все сведения, «которые навязал» ему писарь Воронов, он уже два года передает некоему доктору Смысловскому, местному светилю по венерическим заболеваниям.

Этого Смысловского дома не оказалось. Но не зря человечество изобрело телеграф. В тот же вечер рыхлого, рыжего человека с паспортом на имя Смысловского задержали при попытке выехать за границу в городе Владиславле. Под рубахой (!) обнаружили много такого, что доставило бы радость германской разведке, в том числе фортификационную карту и важные мобилизационные документы.

Смысловский героически молчал – целых три дня. Он лишь плакал и вздымал к потолку пухлые ручки:

– Страшное недоразумение! Не виноват!

– Как – не виноват? – удивлялся нахальству следователь. – У вас нашли под рубахой секретные документы...

– Ну и что? – Венеролог грыз ноготь и делал идиотское лицо. – Это не я виноват, это какой-то тип в котелке пришел ко мне домой, заплатил сто рублей и попросил отвести эти гнусные бумаги, чтобы все они сгорели, в Кёнигсберг.

– И кому отдать? – любопытствовал следователь.

Венеролог пожимал плечами, выпучивал глаза:

– Понятия не имею! Тип в котелке сказал, что ко мне подойдет человек, поздоровается за руку – позвольте вашу пожать, вот так, – даст мне еще двести рублей, а я отдам ему эти, тьфу на них, бумажки. Все!

Следователь давил на психологию:

– Смысловский, не роняйте собственное достоинство! Вы прекрасный доктор, все равно что певец Карузо на сцене. Вас все уважают. Умейте проигрывать с честью. Секретные документы вы, сударь, получали у фармацевта Зальцмана. И знаем, сколько денег вы ему платили... Мы все знаем, но хотим правду услышать из ваших уст. Это облегчит вашу участь на суде, поможет вам...

Венеролог кривил рот:

– Поклеп! Сговор! Не знаю ни Зальцмана, ни Фельдмана! Вскрою себе вены, объявлю голодовку, помру, безвинный. У-у!..

Следователь чертыхался, грозился, но ничего добиться не мог.

На четвертый день приехал скромный Нестеров. Он тихим, ровным голосом, почти шепотом, беседовал с венерологом полчаса. Затем водил венеролога в подвал и стрелял поверх головы холостыми патронами. В результате этой стрельбы появился протокол допроса. Сейчас я держу его в руках. Крупными корявыми буквами Смысловский сообщает: «Я не желаю быть расстрелянным без суда и следствия в подвале контрразведки, поэтому честно и без принуждения расскажу правду, что знаю за это дело». И далее следовал рассказ о том, как и кто его завербовал в августе 1909 года, как он привлек к сбору сведений фармацевта. Не забыл и о

германском полковнике-разведчике Иоганне Брауне из Кёнигсберга. Шпион назвал гостиницу, в которой останавливался и встречался с Брауном, – роскошная «Дейтчесхауз».

Фармацевт и венеролог получили по семь лет тюрьмы, а Нестеров был отправлен советником в российское посольство в Берлине. И уже через полгода один из сотрудников германской разведки похитил и передал Нестерову важные документы о дислокации германской армии, а также списки высших начальников разведки.

Скандал получился крупным. Нестерова объявили нежелательной персоной. Пришлось в двадцать четыре часа покинуть замечательный город Берлин с его Унтер-ден-Аинденом, Бранденбургскими воротами и дворцом императора Вильгельма I. Но важнейшие документы уже находились в Петербурге.

Теперь Нестеров стал начальником разведшколы, наряду с другими инструкторами занимался подготовкой российских разведчиков – группами или поодиночке. Он преподавал самую сложную и важную дисциплину – методы и способы добычи агентурной информации. Другие инструкторы обучали способам связи и конспирации, тайниковым операциям, фотографии, тайнописи, определения наружного наблюдения и отрыва от него, страноведению – науке об обычаях интересующей страны, о религии, законах, обычаях и прочее, прочее.

Бриллиант в каблуке

Нестеров вошел в спальню, сдвинул «Лебедей». Там оказалась неприметная крышка вделанного в толстую стену сейфа. Начальник шпионской школы открыл сейф и вынул пухлую папку, на которой химическим карандашом было написано: «Регистрационная книга агентов». В папке находились формуляры и характеристики нынешних учеников, которых для агентурной работы в ближайшее время должны были отправить в тыл врага.

Нестеров дернул прочные, изрядно замусоленные завязки и вынул тоненькое дело: «Соколов Аполлинарий Николаевич». Остальное вновь положил в сейф, на прежнее место повесил картину.

Нестеров смахнул ладонью со стола крошки, опустился в тяжелое кресло. Он еще раз внимательно проглядывал записи в стандартной анкете: *фамилия, и. о.; кличка или номер; возраст; национальность; подданство; местожительство и род занятий; где и когда отбывал воинскую повинность; справка о судимости; семейное положение, место нахождения семьи; где и какое получил образование; знание языков и степень грамотности; какие знает города, какие имеет связи и знакомства в этих городах; кем рекомендован и завербован; где прежде служил по агентуре; ус-ловил вознаграждения; краткая характеристика агента и причины, побудившие работать по агентуре.*

Все графы были тщательно заполнены, кроме одной: кем рекомендован.

Брови Нестерова на каменно-спокойном лице поползли вверх. Он подумал: «Какое головотяпство! Имя рекомендующего всегда крайне важно, а тут – пробел. А если агент S-25 переметнется на сторону врага? С кого спрашивать, с кого взыскивать? Надо выяснить, почему допустили пропуск. Вдруг эта оплошность не случайна? Что, если за ней прячется преступное вражеское намерение, желание замести следы?»

Каминные часы пробили половину восьмого. И тут же зазвонил дверной звонок. Соколов, как обычно, пришел веселый, пышущий здоровьем и сразу же словно заполнил все пространство. Загремел:

– Вот оно что, бесценный начальник подрывает здоровье заморскими напитками!

– Если бы мы здоровье не подрывали, так жили бы лет по двести. – И далее следовал один тот же вопрос: – Кофе, сударь, желаете? – И, получив столь же неизменный отказ, вздохнул: – А я, грешник, пристрастился к этой вредной привычке – пить с утра кофе. – Устало улыбался. – В конце концов, должны быть у человека какие-то недостатки? А я, заметьте, вино не пью,

в карты не играю, на бега не хожу и жене, – он поднял указательный палец, – ни-ког-да не изменяю. А кофе пить брошу... как только кончится война.

Каждый раз Нестеров внушал Соколову какие-нибудь нехитрые, но необходимые разведчику истины. Делал это ненавязчиво, и потому гения сыска эти уроки не раздражали. Вот и теперь инструктор сказал:

– Даже самый надежный и честный агент не сумеет выполнить свою задачу, если он не знает, что и как надо наблюдать. Чем интеллигентней агент, чем задача серьезней, тем он лучше должен быть подготовлен. Согласны?

Соколов развел руки:

– Разумеется, дорогой Борис Николаевич! Попробовал бы я не согласиться с вами – последствия для меня были бы самыми ужасными, меня оставили бы в тылу пить, простите, пить кофе. Но вы говорите истинную правду, и по этой причине я соглашаюсь, не кривя душой. И к вашим словам могу добавить: один разведчик иной раз может принести пользу большую, нежели целая дивизия. Привести пример?

Нестеров с интересом разглядывал самого высокородного из своих учеников:

– Любопытно!

– Разумеется. Скажем, в первой декаде октября четырнадцатого года наши войска нанесли сокрушительный удар противнику под Варшавой. В темное время суток обессиленная армия Гинденбурга начала отходить с позиций. Разведка момент отхода не уловила. За ночь немцы скорым маршем отошли на значительное расстояние, оказались за рекой Равкой. В районе Крейцбурга германцы организованно и четко произвели посадку на железной дороге. Разведка вновь проморгала. Лишь когда вся погрузка и переброска большей части вражеской армии была закончена, поступили первые сведения от агента-ходока. Таким образом, русские войска упустили подведенными и вполне готовыми резервами нанести врагу смертельный удар. Если бы не эта и другие промахи разведки (перепороть бы их всех!) во время варшавских боев, весь ход кампании принял бы совершенно другой оборот.

– Вы привели прекрасный пример фронтовой разведки, а теперь поговорим о разведке агентурной в тылу врага...

Учеба, похожая на собеседование, продолжалась.

* * *

Занятия шли к завершению. Нестеров перешел к созданию легенды. Он сказал:

– Легенда тем лучше, чем ближе к реалиям. Отныне вы – бывший полковник-преображенец, разжалованный в рядовые за избиение родственника военного министра Шуваева – дежурного офицера Воробьева. Соответствующая запись сделана в вашем солдатском билете. Естественно, что вы раздражены и озлоблены суровым решением суда. Именно это станет причиной вашего бегства к врагам.

– И еще тем, что меня затирали по службе, не отмечали моих успехов.

– Верно! С этой легендой вы доберетесь до Западного фронта, которым командует генерал Деникин. Добейтесь встречи с начальником разведки капитаном Стрешневым. Тот предупрежден.

– Борис Николаевич, вы не боитесь, что немцам покажется странным: полковник – и вдруг разжалован до рядового?

– Такие случаи известны, а тут – оскорблен родственник самого министра. Уверен, они поверят той легенде, которую мы им преподнесем. Ведь еще ни один агент вашего ранга не переходил на сторону врага таким образом. Но приготовьтесь: немцы будут проверять вас очень жестко. – Вперил взгляд в Соколова. – Вас это не пугает?

– Пугливость – чувство нерациональное.

Нестеров постучал карандашом по столу, с расстановкой произнес:

– Если немцы не поверят вам, то последствия могут быть самыми печальными. Вас, граф, выручит только твердость при допросах. Стойте на своем – и точка!

– Да, мы все детали уже обсудили, но думаю, что импровизация может иметь место. Не так ли, Борис Николаевич?

– Разумеется! Работа в тылу врага – это сплошная, хорошо подготовленная импровизация. Нам трудно предполагать, как немцы захотят использовать вас. Есть новость: с начала апреля субмарина должна прибыть в Киль для профилактического ремонта. Но вряд ли это поможет нам, диверсия – очень тонкое место во всей нашей операции...

Соколов рассмеялся негромко, но почему-то задрожали висюльки люстры.

– Вот уж чего нам хватает, так этих самых «тонких мест»!

– Это так, – вздохнул Нестеров. – С какой стати немцы, которые с нового агента глаз не будут спускать, вдруг командируют вас на «Стальную акулу»?

– Но я буду искать такую возможность, понадобится – пойду на риск.

– Когда стоишь на эшафоте, не надо торопить палача! Нам трудно судить, как немцы захотят использовать вас. Не исключаю, что вы тут можете найти свой шанс. Но повторяю: такой важный агент нам в любом случае необходим. До передовой добираться как намерены: в офицерском вагоне или вместе с новыми боевыми друзьями – в «телячьем»? – Сощуренный глаз Нестерова глядел хитро.

– Разумеется, в солдатском! Зачем ненужный риск?

Нестеров ласково улыбнулся:

– Согласен. Работа разведчика сложна как раз тем, что трудности и неожиданные сюрпризы поджидают там, где их, кажется, и быть не должно. И сколько бы мы тут ни гадали, все равно случится нечто неожиданное и нежелательное. Вот почему разведчик должен в любой обстановке сохранять хладнокровие и быть находчивым.

– Буду стараться!

– Вы отказались взять с собой золотые червонцы...

– Да, это опасно, немцы их найдут. Но мне пригодится хороший бриллиант. Подобный тому, с каким я ездил к фрейлине Васильчиковой в Глогнитц.

– Полагаю, вам не откажут. И в каблук сапога заделают.

Рекомендатель

Нестеров вдруг что-то вспомнил, оживился:

– Кстати, о золотых червонцах. В пятнадцатом году, в районе Торна, мы завербовали в германском штабе армии майора. Три месяца он пересылал нам важнейшие сводки, но вдруг исчез. Потом из германских газет мы узнали: наш майор расстрелян, как шпион. И провалился агент совершенно по-глупому: когда выходил из пивнушки, где гулял с приятелями-офицерами, у него лопнул пояс с золотыми монетами – нашими гонорами. Офицеры помогли подобрать этот золотой урожай – более полусотни монет, но сообщили о конфузе штабиста в контрразведку. Там допрашивать умеют, с ущемлением детородных органов и прочее... Финал вам известен.

Соколов усмехнулся:

– Зачем было таскать опасный груз! Привязал бы к себе авиационную бомбу – не так опасно.

– Но без значительных сумм вам не обойтись. Мы сообщим вам имена резидентов, которые в случае необходимости субсидируют вас... Но еще на нашей земле вас поджидают многие трудности. Солдаты российской армии ездят или в товарных вагонах, или – в лучшем случае –

в общем, то есть третьего класса. Вам это непривычно. Но каждый шаг, повторяю, необходимо пройти самому. Терпите!

– У меня есть боевой опыт. И без горячей пищи неделями на передовой сидел, и в окопах спал, накрывшись шинелью, и в полевом лазарете лежал.

Нестеров доверительным тоном негромко произнес:

– Вот противники наши – немцы, австрийцы, венгры – ездят в вагонах с туалетом. Что туалет! Вагоны для рядового состава имеют теплый душ. – Уперся взглядом в Соколова. – Вы понимаете: теплый душ! На передовой едят не как мы – из жестяных котелков, а из фаянсовых тарелок. Для супа – глубокая, для куриной котлетки – мелкая тарелка. Не фронт – ресторан «Континенталь» в Берлине. Если бы немецких солдат отправили умирать на фронт в «телячьем» вагоне с парашей, они подняли бы бунт. Так-то, сударь мой! – И он вздохнул, спрятал хитрый взгляд в служебных бумажках.

Соколов возразил:

– Умение стойко переносить невзгоды является достоинством воина. Идти в атаку я предпочел бы с русскими солдатами, а не с германцами или турками.

Беседа, как всегда, затянулась до позднего вечера. Когда Соколов уже прощался с инструктором, тот спросил:

– Простите, я запямятовал, кто вас рекомендовал для агентурной работы?

Соколов с недоумением посмотрел на своего учителя:

– Неужели вы не знаете?

Нестеров уклончиво ответил:

– Знал, да как-то нынче заработался, подзабыл. А этому усердному человеку, открывшему вас для разведывательной работы, надо было еще к Рождеству сделать приятное – отправить дополнительное вознаграждение. У нас так принято.

Соколов развеселился:

– Обязательно отправьте! Он будет счастлив получить за мою персону сто или двести рублей.

Нестеров макнул ручку в чернильницу, приготовился записывать.

– Так кто рекомендатель?

– Государь наш, Николай Александрович!

С пера скатилась большая капля и оставила жирную кляксу.

Женское томление

Приятная гостья

Поздним вечером Соколов возвращался в «Асторию». Он мечтал о том, чтобы растянуться на широченной кровати по диагонали (иначе не умещался!) и забыться глубоким сном до шести утра.

Однако графа ждал сюрприз. Когда он хотел взять у портье ключи, тот, распушая бороду-веник и потупляя виновато взор, пробормотал:

– Ваше высокоблагородие! Вы, конечно, извиняйте, в вашей люксе дама изволят дожидаться, племянница-с.

– Что такое? – поднял бровь Соколов. – Какая еще племянница?

– Из себя смазливые будут, роскошная шуба и прочее. Сказали: «Я графу племянница родная! Стало быть, ждать в проходном вестибюле мне презрительно». Ну, я и дал ключик-с. А как не дать? Вдруг вы, ваше превосходительство, осерчаете и изволите по моей морде наложить-с! У меня в практике случаи бывали-с.

Портье упустил в своем рассказе такую мелкую деталь, как червонец, который получил от дамы.

* * *

Соколов, испытывая приятное любопытство, поднялся по зеленой ковровой дорожке, устлавшей мраморную лестницу, распахнул дверь, шагнул в гостиную. Вдруг послышался шорох платья, и кто-то выскочил из-за тяжелой бархатной портьеры. Узкие прохладные ладошки опустились ему на глаза. Нежный голосок проворковал:

– Отгадай, кто я?

Перед Соколовым стояла полная очарования, сиявшая дразнящей красотой и лукавыми смородинными глазами Вера фон Лауниц – жена одного из руководителей германской разведки. Красавица страстно целовала лицо графа, наклоняя его голову и встав на носки.

Мой читатель помнит: эта красавица ради любви к Соколову перед войной старательно снабжала российские спецслужбы важными документами, почерпнутыми на время из сейфа мужа. На госте было надето шелковое платье, которое туго обтягивало ее фигуру, подчеркивая соблазнительные прелести.

Гений сыска искренне удивился:

– Вот это сюрприз! Каким образом ты здесь?

Вера Аркадьевна рассмеялась:

– Ишь какой хитрый! Тебе все расскажешь, ты к девушке сразу интерес потеряешь...

– Заблуждаетесь, сударыня! К такой красивой девушке у меня всегда интерес жгучий.

Вера Аркадьевна прильнула к уху сыщика, дышнула:

– У тебя, конечно, прослушивают?

Соколов согласно кивнул:

– Надеюсь!

Она подумала, махнула рукой:

– Пусть знают, все равно завтра-послезавтра меня сцапают.

– Ты опять что-нибудь натворила?

– Ничего плохого! Наоборот, я сделала много хорошего для российской разведки. Жизнь рисковала – ты знаешь о моих приключениях в Глогнитце, когда в гостинице «Адлер» я уколошила предателя Гершау...

– Как не помнить! Только счастливый случай помог тебе избежать суда и расстрела.

– Вот теперь имею от российской разведки «благодарность»!

– Что случилось, Вера? Ведь бежав из Австро-Венгрии, ты оказалась в Берлине?

– Я и прибыла к тебе из этого величественного, но мрачного города.

И дальше гений сыска услышал потрясающую историю.

В бегах

Вера Аркадьевна простодушно рассказывала:

– Я очень хотела обнять тебя, мой богатырь! Пойми, я очень-очень о тебе страдала! – На глазах блеснули слезинки. – Я от долгой разлуки могла даже умереть. Не понимаешь, пупсик? Да, вы, мужчины, очень умные, как сами о себе думаете. Но есть хоть один, кто разгадал тайну женского сердечка: почему мы готовы положить свою жизнь за возлюбленного? Ответаю: потому что мы умеем любить по-настоящему.

– Как ты из враждебного Берлина проникла в Россию? – удивился Соколов.

– Помог мой любящий муженек, которому я сказала: «Соскучилась по родственникам! Если не поможешь съездить, то уйду от тебя к Альфреду Тирпицу – адмирал давно за мной ухлестывает!» – «Он старый!» – «Настоящая женщина из любого старика может сделать доброго молодца!»

– Твой Лауниц напугался угрозы?

– Еще как! Мужчина только тогда дорожит женщиной, когда боится ее потерять! Я попала на территорию Российской империи с паспортом гражданки Швейцарии Софьи Бланк. Моя заветная мечта сбылась – я с тобой! Но за мной охотятся...

Соколов улыбнулся:

– Чую, у тебя были потрясающие приключения?

Она покрутила хорошенькой головкой, проворковала:

– Еще какие! Жаль, что ты книги не пишешь, такой роман накатал бы – другим не снилось. Я приехала в Москву – тебя не застала. По телефону горничная Лушка сказала: «Барин в Петербурге!» У меня в Москве были разные дела. Остановилась в гостинице Гунста, что в доме номер пять по Хрущевскому переулку. Два дня жила тихо и мирно, навещала своих бедных и бестолковых родственников, ходила по магазинам.

– В охранное отделение к Мартынову не заглянула?

– Нет, и это было моей роковой ошибкой. Качу в саночках с Солянки, где свою тетку навестила, к Театральной площади. И замечаю: за мной сани как привязанные болтаются, в ней наружник ковриком прикрывается. Подкатила к «Мюр и Мерилизу», кое-что из галантереи купить. В Берлине магазины опустели, а я не могу к возлюбленному в застиранном исподнем появиться! Купила пустяков разных: кружева, ленточки, в отдел белья на втором этаже заглянула. Ну конечно, шляпку взяла – с перьями, очень модная в нынешнем сезоне. Хожу по магазину – филер тут как тут. Думаю: плохи дела! То ли случайно привязался, то ли от гостиницы следит – не понять.

У Соколова весельем искрились глаза.

– И что сделала ты, опытная разведчица?

– Решила от филера соскочить. Я в толпу затесалась, пробежала несколько залов и выскочила на Неглинку. Не пошла к своему извозчику, а села в сани к другому, поехала на Арбат. Ну, думаю, слава богу, освободилась от хвоста! На Арбате юркнула в Торговый дом Кандырина, накупила себе панталон: для каждого дня – мадаполамовые и нансуковые, для выхода – бати-

стовые с шитьем и кружевами. Вот, погляди! – Задрала подол платья, показала удивительно стройные ноги и роскошные панталоны. – Нравятся?

– Очень!

– Знаю вас, мужиков! То, что под панталонами, нравится еще больше. Вышла из отдела дамского белья, гляжу – наискосок, сажень в десяти, знаешь, возле мужского трикотажа, опять наружник, теперь другой. И делает вид, что газету читает, а сам ее кверху ногами держит. Нырнула я в обувной отдел – это на первом этаже, там выход на хозяйственный двор. Я прошла по всем служебным помещениям, никто не остановил меня, выскочила в Староконюшенный переулок и в гостиницу бегом. Радуюсь: избавилась от слежки!

Соколов не пропускал ни слова.

– И что случилось дальше?

– Вечером в ресторан спустилась – в углу, недалеко от буфета, морда штампованная сидит, делает вид, что в стену глаза пялит, а я уже знаю, кто ему интересен. Думаю: надо в гостинице переночевать, а утром десятичасовым поездом бежать в Питер!

Вдруг в девять утра долбят в дверь: «Откройте!» На пороге два молодца в котелках и в одинаковых английских пальто. Сразу догадалась, что за воробы под мою застреху попали. Говорю: «Молодые люди! Вы что, из одного сиротского приюта?» Они вежливость изображают, расшаркиваются: «Простите, мадам, наш ранний визит. Полковник Мартынов очень будет рад сейчас же вас видеть! Авто внизу». Ну, думаю, не спится начальнику охранного отделения! Авто повезло меня на Тверской бульвар, а молодцы остались. – Вера Аркадьевна вытаращила глазищи на Соколова. – Как думаешь, что эти балбесы стали делать?

– Негласный обыск?

– Именно! Эти поганцы рылись в моих вещах и даже не сумели положить толком на место парфюмерию. Итак, приехала в охранное отделение...

– И что Мартынов?

– Этот гнусный тип вскочил с кресла, бежит вокруг меня и ругается: «У нас, Вера Аркадьевна, сложились с вами доверительные отношения, мы вам премии выплачивали, а вы наплевали на свои обязательства. Как вы посмели тайком нарушить государственную границу? И ни словом не информировали нас об этом. Вы кто, германская шпионка? При нынешнем военном положении – суд и к стенке! Фон Лауниц наш злейший враг! А вы – его супруга. Муж и жена – одна сатана. В лучшем случае вы будете объявлены персоной нон грата и выдворены из пределов Российской империи!» И приказал: «Никуда не выходите из гостиницы! Вы, сударыня, под домашним арестом. И не думайте бежать. Тут же – в Лефортовскую военную тюрьму, на нары! Распишитесь, вот постановление о невыезде. Завтра утром увидимся, у меня есть к вам вопросы». Поставила я закорючку и плюнула в глаза Мартынову: «Вот тебе, козел с пробором! Отблагодарил за верную службу!»

– Но как тебе удалось бежать из Москвы?

Вера Аркадьевна махнула рукой:

– Из Берлина бежала, а тут – тьфу, одно веселье! Двух стражников посадили прямо в моем номере. Я занималась своими делами: читала, рисовала, на пианино одним пальцем Баха играла, делала гимнастику, спала после обеда, блюда за казенный счет по карте в номер приносили. Когда было часов девять вечера, я даю деньги одному из стражников: «Сделайте, сударь, для дамы одолжение: принесите из „Праги" ужин на троих, вместе вкушать будем, и две-три бутылки дорогих вин. Нынче я угощаю». Он только за порог, я стала переодеваться – все на глазах своего сторожа. Парнишка как увидел меня раздетой, так затрясся, сам молоденький, нецелованный. А я все продумала, не таких вокруг пальца обводила. Говорю: «Ну, дурачок, иди скорей в ванную комнату, напусти теплой воды, приведи себя в порядок!»

Прямо в воде любовью побалую тебя. Не пробовал? Зря! Торопись, пока твой товарищ не пришел!» Он только разделся да в воду залез, я дверь в ванную комнату снаружи на задвижку,

а одежду его в окно вышвырнула. Он долбит в дверь, орет, да никто его не слышит. Сама манто накинула, схватила баул да деру. На углу – извозчик. Он довез меня до вокзала... и я прикатила сюда. Давай скорей ляжем в постель, пока меня опять не арестовали.

Хочешь – аюбишь!..

Соколов задумался: «Что делать, как помочь Вере?» Для начала успокоил:

– Не бойся, я тебя никому не уступлю. Ты мне самому нужна.

Вера Аркадьевна вздохнула:

– Хоть на одну ночь, но нужна. Жаль, что не на всю жизнь.

– И что твой муженек? В Берлине награды получает?

Вера Аркадьевна застонала:

– Ах, умоляю, не упоминай об этом чудовище!

– Согласен, рогатые мужья – тема скучная. – Он нежно поцеловал ее влажные губы.

Она, испытывая томление, закрыла глаза, провела рукой по его сокровенному месту, все плотнее и плотнее прижимаясь к атлету. Задушевно прошептала:

– Мой мускулистый друг, я все время тебя вспоминала. Ведь ты спас меня от верной гибели летом пятнадцатого года. Помнишь, толпа устроила погром на Сретенке?

– Да, несчастного Шредера приняли за немца, а ты, как на грех, к нему заглянула.

– Аполлинарий Николаевич, ты такой умный, скажи: почему люди, в отдельности пусть хорошие, когда сбиваются в кучу, всегда делаются глупы, как бараны, и злы, как сорвавшиеся с цепи бешеные псы?

– В толпу сбиваются люди слабые духом, дабы в своей совокупности ощутить силу. Они уподобляются не баранам, но бурлакам, этим несчастным, задерганным жизнью людям, собравшимся в кучу и только благодаря стадности способным тащить тяжеленную баржу. Человек в толпе собственную слабость подменяет понятием общей силы и торопится сделать безрассудство, пока толпа не распалась и он, человек, вновь не стал жалкой букашкой.

Вера Аркадьевна вздохнула:

– Милый, как ты красиво говоришь! Для меня главное – отчаянная смелость и громадная сила, благодаря которым ты спас меня во время погрома.

– Да и ты не оплошала, стрельбу по нападавшим открыла, как воробья, какого-то мазурика подстрелила. Ну, как ты без меня жила?

– Чем возлюбленные меньше знают о девичьих проказах, тем спокойней для них самих. Помнишь, дружок, в Экклезиасте: «Многие знания умножают печали». Это как раз о женских шалостях, которые почему-то огорчают тех, кому позволяем владеть собой. Согласись, ведь это глупо! Сейчас, мой сладкий дружок, я с тобой, и я счастлива. – Она ладошками несколько раз с нежностью провела по его лицу. – Мой миленький, единственно любимый! Скажи, ты хочешь, чтобы я умерла ради тебя?

– Дурашка, ты должна жить очень долго – сто лет, чтобы всем рассказать о том, какие люди были в России, как они ценили дружбу и больше самой жизни любили великую, счастливую Россию...

– Россию, если послушать, любят все. Ты для начала полюби меня. И прикажи, чтобы ужин в номер принесли. Помнишь, как мы гуляли в «Яре»? Цыганка Стеша пела:

Хочешь – любишь, хочешь – нет,
Ни копейки денег нет.

– Мой голод больше твоего. Ведь мы, Вера, не виделись полтора года. Иди сюда...

Ужин по-русски

Спустя часа полтора Соколов нажал звонок. Тут же вбежал коридорный, шустрый мужичок из ярославских:

– Чего прикажете, ваше превосходительство?

– Пришли ресторанный лакея, хочу ужин в номер.

Пузом вперед в люкс вкатился метрдотель. За ним длинноногий официант держал на пальцах поднос. Метрдотель пророкотал:

– Ваше превосходительство! Позвольте нашему хозяину выразить вам полное почтение и сердечное разгонное подношение – графин смирновской перцовочки под черную икорку с горячим калачиком-с! А что касательно стола, ваше превосходительство, чем изволите себя побаловать-с? Ежели иметь в виду мою компетенцию, то настоятельно рекомендую-с грибки соленые разнообразные – вещь исключительная под водочку! С ними осмелюсь сравнить только угорь копченый, на куски разделанный. Наисвежайший, подлец, и жирный, как теща губернатора! Из самого необходимого рекомендую: сельдь залом – извольте знать, толщиной с человеческую ногу в нешироком месте, редьку кружками поструганную, семгу малосольную, дичь с овощами под соусом, язык говяжий заливной...

– Неси, любезный, все, что назвал. Да, из горячих закусок не забудь крабы в раковом соусе на сливках!

– Непременно, ваше сиятельство! Доставим-с осетрину по-царски в винном соусе под семужной икрой-с, фондю из куриных потрошков, спаржу и прочее. А какое ваше расположение насчет супа черепахового?

– Не надо. Желаем солянку рыбную, по-суворовски...

– То бишь классическую? Будет-с, собственной персоной в лучшем виде-с... На горячее второе удовлетворение вам составит севрюга запеченная?

– Пусть! Только присовокупите девалей из дичи под белым соусом, финляндскую форель натурель, полдюжины маленьких цыплят, артишоки в горшочке...

Перечень блюд был обширным. Желаю и моим читателям так иногда гулять-с.

* * *

Не прошло и получаса, как большой стол в гостиной был заставлен бутылками, тарелками, серебряными приборами. Ароматно пахло осетриной и раками. Выпили по первой – за государя-батюшку. Вторую – за Русь великую и победу над супостатами.

Соколов сказал лакеям, статуями стоявшим вдоль стен:

– Оставьте нас и без вызова не входите!

Знаменитый гость

Едва остались вдвоем, как вдруг в дверь громко постучали. Вера Аркадьевна вся сжалась:

– Уже за мной? Арестовывать?

На пороге показался высокого роста, несколько сутулый, рыжеватый господин лет пятидесяти. На господине был дорогой костюм, и он внимательно рассматривал уклончивыми зелеными глазами обильную трапезу.

Соколов широко улыбнулся, пошел навстречу:

– Какой приятный сюрприз! Сам «властитель дум» Алексей Максимович...

Глухо откашлявшись, Горький проокал:

– Понимаете, под вашими дверями ресторанные официанты дежурят. От них узнаю: ожидают распоряжений графа Соколова. А я остановился в соседнем номере. Соображаю: надо посетить старого знакомого. Ну, граф, здравствуйте! – И он большими, мягкими руками долго жал кисть Соколова. – Позвольте вас облобызать. Ведь вы, граф, чудное явление русской жизни, полная противоположность ее сытой глупости. А с вами, граф, поди, уже с год не виделись?

– Почти два.

Горький покачал головой.

– Вот оно, время стремительное, словно песок золотой промеж пальцев утекающий! – Вздохнул. – Однако это не время, это сама жизнь бежит – на следующий год мне уже пятьдесят, подумать страшно. Да, припоминаю: во время последней встречи мы стали свидетелями безобразий Григория Распутина. – Горький уставился на Веру Аркадьевну. – Понимаете, он в московском «Яре» устроил похороны русалки: голую девушку в гроб положил и шампанским поливал. Это придумать надо! Очень весело гулял старец, конец свой предчувствовал. Простите, сударыня, мои фривольные воспоминания. Позвольте, сударыня, поцеловать вашу руку. Доложу вам, у графа очень хороший вкус... Он хоть и сыщик, но в женской красоте толк понимает! Впрочем, припоминаю, мы уже встречались, ваше красивое лицо мне знакомо.

Вера Аркадьевна, нисколько не тушуясь двусмысленностью положения, просто сказала:

– Я с вами, Алексей Максимович, встречалась в начале июля четырнадцатого года в Царском Селе. Тогда был большой прием французского президента Пуанкаре...

Горький, как крыльями, взмахнул руками:

– Конечно, конечно! Это когда пришвартовалась французская эскадра, отлично помню.

– Вы в тот день долго беседовали с моим мужем фон Лауницем...

Соколов деликатно прервал воспоминания:

– Алексей Максимович, сделайте одолжение, поужинайте с нами!

Горький втянул воздух большими ноздрями утиного носа, поплевал на пальцы, погладил рыжие усы.

– Согласен, если, конечно, не помешаю. – Тряхнул волосами, прядями упавшими на лицо. – Понимаете, стол ваш – творение рук талантливых, очень заманчив, как, скажем, красота женская. – Огляделся. – И в номере очень уютно, вполне по-домашнему. Но, право, я вам не помешал? Спасибо, спасибо... А в ресторанный зал мне лучше не выходить: бросают есть и zenки уставляют на меня, будто я чудище озорно и стозевно. Противно, право, от ненужного и праздного внимания к моей персоне.

Меткий стрелок

Горький, верный привычке, пил дорогие красные вина из Франции, угощал Веру Аркадьевну, поднимал бокал.

– Природа столь хитро создала женщин, что нет возможности не попасть в их плен – сладкий, дурманивший. Но и любят они бешено, самозабвенно, до исступления. – Прикрыл веки. – Боже, что за существа удивительные... Много несуразного и глупого делаем ради женщин. Вера, позвольте поднять бокал за вас – прекрасную представительницу лучшей половины рода человеческого.

Выпили.

Горький продолжал:

– Впрочем, люди вообще существа несуразные. Вчера поздним вечером вернулся в «Асторию». Пустынно, постояльцы, стало быть, спят. Поднялся я на второй этаж, гляжу: известный ученый, преподаватель Московского университета, меня не замечая, идет по коридору, пританцовывая, ногами кренделя выделяет. Или вот гостил когда-то у Чехова в Ялте.

Утро раннее, все еще в подушки сопят, а я вышел на крыльцо. Смотрю, что такое? Антон Павлович ловит шляпой солнечного зайчика. Поймав, пытается одного вместе со шляпой на голову надеть. И очень сердился, что не получается. Умора!

– Это к чему разговор клоните? – спросил Соколов.

– А к тому, что люди – с большими отклонениями в мозгах. Вот, к примеру, кому нужна нынешняя война? Кому принесет пользу? Да никому! Понимаете, оторвали молодых хороших мужиков от дома, от жен, посадили в окопы, научили убивать. Ожесточатся они, больными душой вернутся в семьи. И не работники, и не отцы будут – хлам человеческий, да и только. Доложу вам, голубчики, – в бездну глубокоую катимся.

Вера Аркадьевна усмехнулась:

– Что-то мрачно смотрите на мир, Алексей Максимович!

Горький решительно отозвался:

– Мрачно? Конечно! А как по-другому? Чувствую тревогу и мучительный стыд за Русь, за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а искать его надо в бездне собственной глупости. У русского вообще все виноваты, особенно евреи. – Горький откашлялся и с вдохновением продолжал: – Я убежден, я знаю, что в массе своей евреи – к изумлению моему – обнаруживают любви к России больше, чем многие русские. Да-с! Слишком много на Руси несуразных людей, а война их число увеличит. Еду в поезде, на станции Волхов влез в вагон солдат. На груди – Георгий. У нас в купе уже сидело шесть человек. Он внимательно осмотрел нас, сосчитал: «Шестеро, правильно! Однако герою место следует предоставить!» – и растолкал коленом пассажиров, втиснулся на скамейку. Разговор возник. Солдат всячески войну расхваливает: от нее, дескать, оживление жизни и во все стороны свободный ход. Про себя солдат говорит: «Очень удивляюсь подвигу моему. Мне от Бога утешение – меткий глаз и верная рука. Сажу в окопчике и в перископ за немцами наблюдаю. Зрю – вражеская фигура, прицеливаюсь из винтовки, щелк – готов еще один. Прямо сознаюсь: я немцев столько укокошил, сколько иной охотник за всю жизнь зайцев не настрелял. Один раз в день я восемь штук уложил. Так-то! Война – это очень полезно!» Герой с чувством собственного достоинства сплюнул на пол, глаза у него глядели спокойно и уверенно.

Вера Аркадьевна вздохнула:

– Кончится война, этот стрелок что будет делать?

– Землю не станет пахать! – замахал руками Горький. – При таком своеобразном таланте путь один – снова идти и убивать. Войны тем плохи, что людей портят. – Горький назидательно поднял палец. – Вот убивает этот стрелок ради русского царя, народа своего не знающего, и ради жирного попа, волос прямым пробором расчесывающего. А стоят ли царь и поп того, чтобы ради них убивали? – Помолчал, опустил кулак на стол. – Не стоят они того!

Соколов резко возразил:

– Понятия такие есть: народ, нация, государство! А государь и православная церковь – стержень, на котором все держится. Сломайте стержень – все прахом пойдет, все рассыплется.

Горький взмахнул рукой, уронил на пол нож, зеленоватые глаза яростно заблестели. Он пробасил:

– Ан нет! Почему народ должен рассыпаться? Не понимаю! Останется русский человек, новые формы отношений создаст, новую мораль – без поклонения монарху, без церковного дурмана, – поднял вверх палец, – без эксплуатации. Разбудит народ свою энергию скрытую, освободится от мещанской сытости и векового благодушия...

– И создаст новую религию и новых богов, – иронически усмехнулся Соколов. – Как говорят в Москве: тот же вид, но только сбоку.

Вера Аркадьевна весело рассмеялась, а Горький вдруг улыбнулся:

– Народ наш, во всяком случае, как пил водку, так и будет пить. Не остановится! Давайте и мы выпьем вина.

Выпили.

Размолвка

Вдруг у Горького сошла улыбка с лица, он свирепо нахмурился, опустил тяжелый взгляд к полу. Вытер желтыми от курения пальцами рыжеватые усы, твердо и назидательно произнес:

– При всех общественных переменах останется страшная болезнь. Вы спросите: о чем это я? А говорю я об отношениях между национальностями. Знаменитый бактериолог, европейская знаменитость, днями поведал мне: «В присутствии некоего генерала, человека вроде бы серьезного, я сказал, что хорошо бы достать несколько обезьян для моих опытов. Генерал серьезно спросил: „А жида не подойдут? У меня, кажется, есть несколько жидов-шпионов, их все равно вешать, а вам – на пользу науки и просвещения!“ И приказал дежурному офицеру: „Сбегайте, подпоручик, выясните, сколько осталось жидов не по-вешенных“». Поручик убежал.

Стал ученый доказывать: «Для моих опытов люди не годятся...» Генерал вытаращил глаза: «Как – не годятся? Он, хоть и жид, все-таки умнее обезьяны. Если вы ему впрыснете яд, он вам скажет, что чувствует, а обезьяна – нет! Берите жидов, пока даю!»

Вернулся подпоручик, докладывает: «Среди арестованных евреев не осталось, зато есть цыгане. Доставить?» Генерал спрашивает: «Цыгане не годятся? Ах, жаль!» Это генерал так рассуждает, а что говорить о простых людях? Хотя я ничего плохого не сделал людям этой изумительно стойкой расы, а все-таки стыдно за себя, за свое родство с изуверской сектой антисемитов и свою ответственность за идиотизм соплеменников.

Вошли два официанта. На большом серебряном подносе внесли жареного поросенка. Он был покрыт нежно-розовой корочкой и испускал дразнящий аппетит запах.

Официант склонился к Горькому:

– Желаете?

– Обязательно! И белый соус не забудь... – Продолжил свою мысль: – Я внимательно прочитал кучу книг, в которых обвиняют евреев во всех смертных грехах. Это отвратительная обязанность – читать книги, созданные с целью опорочить целый народ. В этих книгах мало смысла, но много моральной безграмотности, злого визга, звериного рычания и завистливого скрежета зубного.

Слушатели приступили к крабам. Горький поднял бокал:

– Предлагаю выпить за Русь обновленную, без монархического произвола, но с демократическим строем, с Учредительным собранием и с равноправием для всех народов!

Соколов отрицательно покачал головой. Твердо глядя в глаза Горькому, сказал:

– От добра добра не ищут. Русь процветает и развивается во всех отношениях, а мои предки с незапамятных времен российским царям верой и правдой служили. Того и своим потомкам желаю.

– Это ваше дело, – усмехнулся Горький, – а мои предки пили горькую, жен, даже беременных, с изуверской жестокостью до полусмерти били. В отличие от вас, граф, мне такое положение вещей в этом мире не нравится. – И он, смакуя, выпил вино.

Соколов иронически усмехнулся:

– Конечно, русские цари виноваты в изуверстве ваших предков!..

Горький посмотрел куда-то вбок и сквозь зубы выдавил:

– Ну, вы-то всегда были монархистом! – Он неприязненно замолчал, и эта пауза сделалась тяжелой. Казалось, знаменитый на весь мир писатель сейчас поднимется и уйдет не прощаясь.

Но, зная, судьбе была нужна эта короткая размолвка, ибо, как ни странно, она дала нашей истории новый ход.

Цыгане из Курска

Горький, не желая продолжать спор с Соколовым, обратился к Вере Аркадьевне с дежурным вопросом:

– Скажите, сударыня, как поживает ваш муж?

Вера Аркадьевна спокойно отозвалась:

– Муж сейчас мало бывает в Берлине. Война требует его присутствия в передовых частях. Знаю, что в конце февраля – начале марта он прибудет на позиции генерала Бом-Ермоли. Когда Ермоли был у нас в гостях, они с мужем это обсуждали. А мне возвращаться в Германию совершенно не хочется. Там, в преддверии военного краха, стало как-то неуютно.

Соколов, услышав о командировке фон Лауница, внутренне встрепетул. Ему пришла блестящая мысль. Он стал нетерпеливо дожидаться ухода гостя.

Но в это время в дверь громко постучали. Вновь появился метрдотель, сладко проворковал:

– Дорогие гости, для вас хотят сплясать и спеть хор цыганов из города Курска!

И тут же с криками и возгласами влетела разноцветная цыганская толпа. Она закружилась в гостиную, под гитарные переборы задорно выкрикивая:

Не будите молодую
Ранним часом поутру.

Горький словно помолодел, морщины на его грубом лице разгладились, глаза смотрели весело, даже озорно. Он с улыбкой слушал цыган, прихлопывая в ладоши и негромко подпевая.

Песенно-плясовая вакханалия продолжалась почти полчаса. Соколов дал цыганам денег, и они, прихлопывая и притопывая, двинулись из гостиничного номера восвояси.

Горький с восхищением произнес:

– Цыгане и итальянцы – самые музыкальные на свете люди. Сколько в них какой-то первобытной непосредственности и прекрасного озорства. Ну, впрочем, и мне пора. – Он поднялся, вполне дружески протянул Соколову руку, прогудел в нос: – Конечно, по-разному мы мыслим. Такое в порядке вещей. Но кто исторически окажется прав? Это покажет время. Спасибо, друзья, за прекрасный ужин. Устал нынче. Пойду в номер и буду долго спать.

Вера Аркадьевна капризно надула губки:

– Алексей Максимович, почему вы нас к себе в Сорренто не зовете? Вы хотя писатель пролетарский, а дворец, говорят, у вас там царский?

– Наветы все, наветы, барышня! Никогда не слушайте речи лукавые. А когда попаду в Сорренто – сам того не ведаю, ибо в мире бушует жестокая война. Теперь же спешу возлечь на ложе. Я ведь приказал никого к себе не впускать, а то ведь и ночью почитательницы могут вломиться. Выпьют вина и про все приличия забудут, голову потеряют. Вот и дежурит у моих дверей гостиничный служка, за порядком наблюдает. До свидания!

Изменение маршрута

Уже лежа в постели и нежно поглаживая громадной теплой ладонью упругие груди Веры Аркадьевны, губами лаская соски, Соколов как бы невзначай спросил:

– Неужели твой муж такой отчаянный, что не боится по фронтам ездить? Или он в тыловых войсках только бывает?

Вера Аркадьевна резво отозвалась:

– А чего бояться? Мой муженек говорил, что, пока дороги не подсохнут, никаких активных военных действий не будет.

Соколов продолжал выпытывать:

– Ты знаешь, где конкретно фон Лауниц будет на фронте?

– Как не знать! Я сказала: поедет в армию к генералу Бом-Ермоли. У мужа в кабинете большая карта военных действий на стене висит, он там красным карандашом и флажками все тщательно отмечает. Когда достал мне швейцарский паспорт, то подвел к карте, ткнул пальцем в Москву, сказал: «Ты вот где будешь, а я недалеко от Карпатских гор...»

– А он место назвал, куда командирится?

– Где штаб Бом-Ермоли? Как же, они за столом раз двадцать его название повторили – на высоком берегу Быстрицы, против городка Богородчаны. Да тебе, милый, зачем это?

– Хочу навестить его и привет от тебя передать! – весело произнес Соколов и рукой придвинул к себе Веру Аркадьевну. – Ну, лягушечка, ты еще в состоянии принимать мужские ласки?

– Твои – хоть до изнеможения. С грустью мыслю, что миг сей сладостный быстро пройдет и я останусь опять без тебя. Печальна доля женская!

* * *

Утром Соколов направился к начальнику российской разведки Батюшеву и настаивал на изменении плана.

Батюшев внимательно выслушал, что-то записал в свой блокнот и сказал:

– Мне надо кое с кем посоветоваться. Изменение плана в последний час – такое не любят. Но я понимаю: возникли новые обстоятельства, и постараюсь убедить руководство. Приходите на «кукушку» в шесть вечера.

– И другое. – Соколов напряженно посмотрел в лицо полковника. – Сейчас Мартынов гоняется за известной вам Верой фон Лауниц, которая нелегально проникла в Россию с паспортом Софьи Бланк, подданной Швейцарии. Эта женщина оказала российской разведке большие услуги.

Батюшев насторожился:

– С какой целью проникла?

Соколов невозмутимо отвечал:

– Чтобы увидеть меня.

– И все? – На физиономии Батюшева отразилась непередаваемая гамма чувств – от удивления до зависти. Махнул рукой. – Впрочем, влюбленная женщина может выкинуть такой фортель. И что вы хотите?

– Чтобы наша разведка оказала своему проверенному сотруднику Вере фон Лауниц необходимую поддержку.

– Хорошо, сделаю все от меня зависящее. Приходите на «кукушку» в шесть вечера.

Когда в указанное время Соколов появился на конспиративной квартире, Батюшев уже поджидал его. Он сказал:

– Наш новый план одобрен. Отправляйтесь завтра из Москвы военным эшелоном по маршруту Москв – Смоленск – Орша – Минск. В Минске будет сформирован отряд, в который войдете и вы, – об этом мы побеспокоились. С отрядом по железной дороге двинетесь далее – в штаб армии Юго-Западного фронта, которым командует генерал Гутор. Вас припишут к разведывательному полку. Вот вам новое предписание. О вашей миссии, как вы настояли, знает лишь самый ограниченный круг лиц. – Батюшев долго глядел в лицо Соколова, пожал ему руку. – Удачи вам, Аполлинарий Николаевич! Я верю в вас...

– А что с Верой?

– Ее оставят в покое.

Батюшев умолчал о сюрпризе, который он приготовил для гения сыска. Читатель своевременно узнает о нем.

В тот же вечер десятичасовым поездом Соколов отбыл в Москву. Он хотел хоть краткое время побыть с женой Мари и сыном Иваном.

Долгий взгляд

В субботу 28 января 1917 года Соколов прибыл в Москву на Николаевский вокзал. Как обычно, он был одет в полковничью шинель, по перрону ступал широко и стремительно, левая рука, по гвардейской привычке придерживать шашку, была словно привязана к бедру.

Носильщик, едва поспевая, тащил за Соколовым большой кожаный чемодан. Москва, древняя, громадная и людная, с множеством колясок и тяжелогруженных возов, с пестрой толпой прохожих, была засыпана свежим обильным снегом и казалась городом волшебной красоты из детской сказки.

Дворники деревянными лопатами собирали снег возле тротуара в большие кучи. Городовые, придерживая шашку, прохаживались возле своих будок, разглядывая бесконечную череду пешеходов, готовые в любой момент задержать подозрительное лицо. Разрезая пополам вокзальную площадь, несясь трамвай, и пешеходы суетливо перебегали через рельсы. Испуская резкие звуки клаксоном, из вокзальных ворот выезжал санитарный автомобиль, и на льду пробуксовывали колеса с металлическими спицами.

Чемодан был положен в небольшие саночки. Извозчик, молодой парень на деревяшке вместо ноги, забрался на облучок, дернул вожжи. Саночки выехали на Каланчевку, оставили справа старинную и узкую, как пожарная кишка, Домниковскую улицу, прокатили мимо гостиницы «Петербург». Невысокая, крепкая лошадка с лоснящимися боками стучала подковами по наезженной дороге, и порой снег срывался с задних копыт и летел в седоков. Наконец сбавив ход, лошадка стала подниматься в гору.

И вот предстало в своей древней красе великолепное творение Дмитрия Ухтомского – Красные ворота с трубящим архангелом на шпиле. Повернули направо, мимо трехэтажного дома с угловыми балконами – здесь осенью 1814 года родился поэт Лермонтов.

Открылся дом под номером 19 по Большой Спасской, с громадной рекламой шоколадной фабрики Эйнема, занимавшей почти всю торцовую стену.

Старый знакомец, дворник Платон, старательно царапал скребком по тротуару, испуская отвратительные звуки и не обращая внимания на сыщика. Соколов не упустил случая подтруснить над Платоном. Он дал ему под зад пинка, страшным голосом крикнул:

– Чего, старый пень, тишину нарушаешь?

Подслеповатый Платон, оскорбленный в чувствах, не сразу разглядев гения сыска, прогундосил:

– Зачем деретесь? Если каждый прохожий под зад пинать станет... Вот свистну сейчас городского. – И вдруг узнал Соколова, торопливо сдернул с ушей баранью шапку и выкрикнул фистулой: – Здравия желаю, ваше сиятельство. Аполлинарий Николаевич! Простите, не сразу признал вас. Дозвольте чемоданчик поднести...

Три года назад, в декабре 1913-го, проведая о доносе дворника, Соколов засунул Платона головой в унитаз. По необъяснимой логике, с той поры барина с шестого этажа дворник полюбил еще сильнее.

* * *

Как всегда после долгой разлуки, в доме начался переполох.

Мари, счастливо улыбаясь, ласково провела теплой ладошкой по щеке мужа:

– Вас, Аполлинарий Николаевич, узнать трудно... В вашем облике появилось что-то новое. Вы стали похожи на античного героя.

Соколов обратил внимание на новое лицо, скромно стоявшее в коридоре, – полноватую, с пышным бюстом девушку в скромном темном платье, лет девятнадцати. Она с любопытством поглядывала на атлета и удерживала за руку вырывавшегося сына, строго выговаривая:

– Иван Аполлинарьевич, ведите себя прилично!

Мари представила:

– Это воспитательница Вани – Елена Гавриловна. Она учит русскому и французскому языкам, а также игре на фортепьяно и хорошим манерам.

Девушка сделала изящный книксен, а Ваня воспользовался заминкой, вырвался, бросился к отцу и в мгновение ока, не без папашиной помощи, вскарабкался ему на плечи. Он гладил лицо и целовал отцовскую щеку, приговаривая:

– Ой, папочка, как я о тебе скучал, даже плакал один раз.

– Сынок, нам плакать не пристало, пусть плачут наши враги. Но почему Лукерья сейчас слезы льет?

Горничная прижалась лицом к плечу гения сыска:

– Наконец-то сокол наш ясный объявился! Разве дело – дом без хозяина? Это все равно что лампадка без фитиля. Но теперь заживем по-человечески...

– Эх, Луша, Россия не то место на земле, где можно нынче жить по-человечески. Душ включи да обед скорее на стол ставьте.

– Чёй-то душ? – удивилась Лушка. – Дорожному человеку, поди, теплую ванну принять полезней...

– Нет времени лежать в ванне.

Лушка побежала зажигать колонку и готовить барину свежее белье.

Мари округлила глаза:

– Как, опять уезжаете?

– У меня всего два свободных часа.

– Но почему?

Соколов развел руками и сказал лишь одно слово:

– Служба!

Мари от досады аж застонала, повела мужа в гостиную:

– А я размечталась: любимый приехал навсегда... Господи, когда кончится эта война?

– Скоро, дорогая! Но начнется другая – с уголовными преступниками. После войн их всегда много разводится. Веришь, я часто скучаю по своей службе в уголовном сыске. Какие там замечательные были ребята – покойный друг Коля Жеребцов, Юра Ирошников, Кошко, Гриша Павловский.

Мари вздохнула:

– Даже не верится, что заживем мы, как прежде: каждый день будем видеть вас, милый папа и любимый муж.

Соколов взял жену за руку, поцеловал ее ладонь:

– Милая Мари! Пожалуйста, присядем на минуту.

Мари удивленно взглянула на супруга: слишком необычным тоном он обратился к ней.

Они сели на кожаный диван с высокой спинкой. Соколов, не выпуская руку супруги, произнес:

– Тебя, мой друг, уже в ближайшие дни ждет тяжелое испытание.

Она чуть побледнела:

– Что-то случится с вами?

– Да, со мной. Увы, я тебе не могу ничего объяснить, ни слова. Все, что я могу сделать, – посмотреть в твои глаза. Мне очень хочется, чтобы ты все поняла без слов...

Он долго глядел в ее темные, бездонные, словно загадочное ночное небо, глаза, полные какой-то вековой женской тайны.

Сдавленным голосом она сказала:

– Храни вас Бог, а мое сердце навсегда отдано вам...

В дверь постучала Лушка, улыбнулась во весь рот:

– Барин, я колонку зажгла, душ пустила, полотенца приготовила...

Никогда так время стремительно не бежит, как в родном доме перед отправкой на фронт.

Прощай, любимый город

Веселая поездка

В Москве задувала метель. Ветер неистово мел по мостовой, подымая и яростно бросая в лицо снежную крупу. Пешеходы зябко втягивали шею и спешили укрыться в тепле.

Москва на четвертом году войны изрядно изменилась. Мужское население призывного возраста прорубало туннели в глубоких снегах под Краковом и Львовом, ходило в контрнаступления на Австро-Венгерском фронте, форсировало ледяной Дунаец в Галиции, отчаянно било врага на Румынском фронте возле Серета и у Фокшан, теснило противника на Риге-Двинском фронте, а трупы молодых и сильных мужиков ложились в землю на всем громадном пространстве от Балтийского до Черного моря.

Зато в старую столицу нахлынуло много нового люда, преимущественно восточного типа. И каждый находил в Москве уютное место.

* * *

Чтобы внести свою лепту в общее дело битвы за великую Россию, этим хмурым днем, обрядившись в новенькую солдатскую шинель, забросив за широкую спину вещевой мешок, покинул родной кров неустрашимый воин Аполлинарий Соколов. Стремительным шагом он вышел из подъезда громадного дома у Красных ворот.

На углу Орликова переулка в роскошных, расписных лаком козовых саночках зябко оправлял синего цвета зипун, крепко перепоясанный толстым шнурком, лихач.

Лихач не обращал внимания на солдата. Соколов, не спрашивая позволения, с хозяйской властью швырнул в сани выдавший виды вещевой мешок. Затем уселся и сам, набросив на колени медвежью полость.

Лихач, возивший особ значительных, капитальных, с презрением сплюнул через губу:

– Угорел, что ль, служивый?

Солдат уставил в лихача стальной взгляд:

– Вези на Брест-Литовский вокзал.

Лихач рассмеялся, с чувством превосходства заговорил:

– Ну ты, солдат, дурак дураком! Сразу видно: в деревне лаптями шти хлебал. С солдатским кошельком на драной собаке верхом ездить, а не в лакированных саночках наслаждаться. Посидел, солдатик, в роскоши, а теперь сползай на сторону!

Соколов первый экзамен на смирение выдержал. Вместо того чтобы кулаком поучить по наглой морде извозчика, Соколов снял вязаную варежку, запустил ручищу в карман, протянул рубль:

– Кстати, а почему ты не в действующей армии? Харчи, видать, дешевы стали, что морду себе сrostил, а?

Лихач, уставший от долгого ожидания седока, с удовольствием спрятал целковый в кожаный кошелек, весело сказал:

– Коли заплачено, весело понесем, ветер не догонит! А не в царской службе потому, что я единственный сын у законных родителей, кормилец то есть.

– Гони, кобылий командир! Да не под хвост гляди, а на дорогу.

Сани полетели по наезженному снежному насту Садового кольца, тряслись и весело подпрыгивали на ухабах.

...На вокзальной площади было суетно. То и дело раскатывали автомобили – легковые, с офицерами и порученцами, с крытым верхом и красным крестом на боку – санитарные, перевозившие раненых, ломовые извозчики с тяжело груженными санями. Извозчик нахально зака-
нючил:

– Солдат, добавить бы надо!

Городовой засвистел:

– Проезжай! Не загораживай...

Соколов, взвалив на плечо вещевой мешок, ухватил задок саней. Лихач, не замечая этого маневра и опасаясь штрафа, торопливо дернул вожжи:

– Н-но, пошли, паразиты!

Саночки – ни с места.

Городовой принялся ругаться сильней, огрел лихача кулаком по спине. Лихач хлестал коней, но те упирались, били копытами, скользили по наезженной мостовой – коляска ни с места.

– Что за черт! – Лихач удивленно выкатил глаза. – Как к месту прирос!

Вмиг собравшаяся толпа разглядела маневр солдата и умирала со смеху. Наконец Соколов отпустил задок. Сани рванули вперед, а лихач от толчка едва не вывалился на снег, густо усыпанный конскими лепешками.

Толпа восторженно выдохнула:

– Ну и богатырь! Двух коней солдат одной рукой удерживал. Куда уж германцу с таким справиться...

Соколов направился к вокзальному помещению.

Солдатская доля

Агент S-25, прибыв на вокзал, как и следовало, направился к военному коменданту. Возле кабинета с громадными филенчатыми дверями скучало десятка три людей в военной форме. В основном это были солдаты-отпускники, возвращавшиеся в свои части, зауряд-прапорщики из вольноопределяющихся, урядник с солдатским Георгием на бурке, два фельдфебеля, еще кто-то в казачьей папахе.

Соколов встал в конце очереди, приготовившись к мучительной для него процедуре – терпеливому ожиданию. Минут через пятьдесят подошла его очередь. За столом сидел комендант в чине капитана. По всему его измученному виду было заметно: он смертельно устал. Равнодушным тоном произнес:

– Что у тебя, рядовой?

Соколов протянул воинское требование на билет и солдатскую книжку. Комендант, не читая документы, сделал помету на воинском требовании, сказал:

– Иди к дежурному, он выдаст тебе билет в вагон третьего класса.

Дежурный долго, скрупулезно изучал солдатскую книжку, испещренную пометками о проступках и наказаниях, разглядывал печати. Хмыкнул и с любопытством уставился на Соколова, прочитав, что тот разжалован в рядовые из полковника. Со злобой пролетария к аристократу ткнул пальцем:

– А почему здесь подпись неясная? И печать смазана?

Соколов холодно парировал:

– Потому что неясно расписался писарь. Наверное, в гимназии неусерден был в каллиграфии. А когда печать прикладывал, руки после пьянки тряслись.

Дежурный заругался:

– Шутить будете в другом месте! – и, брызгая чернилами, нацарапал на билете фамилию и звание Соколова, сунул в окошко.

– Литерный поезд номер сто семнадцать до Минска уже подан на первый перрон.

Соколов, не выходя на улицу, через боковую дверь пошел в зал ожидания, чтобы выйти к платформам. Когда-то в мирное время, направляясь в Европу, он прежде бывал там множество раз.

Едва Соколов появился в малолюдном зале, как его кто-то толкнул в спину и грубо окрикнул:

– Рядовой, куда прешься?

Соколов увидел маленького роста, с узким прыщеватым лицом и глубоко утопленными глазами прапорщика. Соколова удивила непонятная ненависть, с какой этот некрасивый и тщедушный юнец глядел ему в глаза. Смирив себя, Соколов стал объяснять:

– У меня железнодорожный билет, я иду на платформу.

Прапорщик, распаляясь все больше и, видимо, сам наслаждаясь своим гневом, громко закричал:

– Молчать! Почему, спрашиваю, прешься в зал для офицеров? Не знаешь своего места? Дезертир, шпион? – Он резко, словно галка, повертел головой, махнул рукой: – Патруль, проверь документы у этого...

К Соколову тут же подошел подпрапорщик в новенькой с блестящими пуговицами шинели. На тонком сухом носу поблескивало пенсне. Соколов подумал: «Похож на недоучившегося правоведа».

Подпрапорщик потянул Соколова за рукав:

– Отойди от прохода! Куда направляешься?

– Читать умеешь? Тут нацарапано: в Московский разведывательный батальон, литерным поездом номер сто семнадцать.

– Почему старшего по званию называешь на «ты»?

Соколов прожег прапорщика взглядом:

– Потому что старший по званию – хам, который не знает устава!

Подпрапорщик выкатил глаза.

– Во-от оно что! – Задумчиво почмокал губами, напустил на юную физиономию важность. – Может, и впрямь ты шпион? Так-с! Предъявите солдатскую книжку.

– Держите!

Подпрапорщик тонкими, хрупкими пальцами стал перелистывать документы.

– Так-с, солдатский билет: Аполлинарий Николаевич Соколов, православный, уроженец Москвы. Из дворян? Хм! Мобилизован 21 июля 1914 года в триста одиннадцатую пешую Московскую дружину в чине полковника... – Взглянул с удивлением: – Как так – полковника? А почему на вас форма рядового?

Соколов ткнул пальцем:

– Тут написано: 15 января 1917 года военно-полевым судом разжалован.

– За какую провинность? За трусость в бою?

Соколов язвительно усмехнулся.

– Никак нет, ваше благородие! – Заглянул в глаза очкарика. – Я физически – понял? – физически оскорбил штабного офицера. Сделал ему очень больно. Он посмел грубо со мной разговаривать. А я хамов не люблю.

Подпрапорщик хмыкнул, достал платок и вытер каплю с носа. Допрос продолжил уже вежливым тоном:

– Так, корешок воинского требования на железнодорожный билет, сам билет. Все правильно! А это что? Выписка из госпиталя. – Поднял глаза на Соколова. – Куда были ранены?

Соколов начал раздражаться:

– Господин подпрапорщик, в справке все указано: два штыковых ранения – в плечо и вот, в щеку, сами можете видеть. И сквозное пулевое ранение в правую часть груди.

– Больше в зал для офицерского состава ходить не советую. Народ нынче нервный, измотанный. Германские шпионы и революционные агитаторы повсюду налезли. Сейчас выйдете на улицу, справа проход на перрон. Счастливо воевать! – приложил руку к папахе, лихо сдвинутой на правое ухо.

Соколов направился по указанному направлению. Он размышлял: «Надо быть осторожней. И следует скорее входить в новую роль. Теперь на себе испытал, каково жить в солдатской шкуре. Не сладко, право!»

Очередь на фронт

Возле входа на перрон, у высокой решетчатой ограды, стояла большая толпа. Это были солдаты в серых шинелях, с вещевыми мешками на плечах, с темными, замученными лицами, на которых озлобленность мешалась с глубокой печалью.

Попадались и люди в штатском, несколько женщин в крестьянских тулупах, с шальями, завязанными на спине крест-накрест.

Строем приблизились два отряда, человек по тридцать. Их сопровождал ротмистр в высокой каракулевой папахе серого цвета. Он зычно гаркнул:

– Рас-ступись! Кавалеристы идут.

Знатоки неодобрительно загалдели:

– Это из резервного батальона. Ишь, завсегда прут без очереди, будто мы не такие же защитники престола...

Тем временем на вокзале шла обычная суeta. С санитарного поезда сгружали раненых. Одни, опираясь костылями в заплеванный пол, тихо тащились к зданию вокзала. Другим, подставляя плечи, помогали санитары. Тяжелораненых на носилках тащили волонтеры.

По перрону возчик вел лошадь на тощих ногах, с шорами на глазах. Она была впряжена в телегу. Хотя телега была высоко гружена, а лошадь худа, она тащила без особых усилий. Сверху груза был наброшен громадный брезент. С одного угла он сполз, и сыщик увидел голые ноги: это везли трупы раненых, умерших по дороге с фронта.

Солдаты-артиллеристы на тележках подвозили к грузовому вагону ящики. По двое брались за ящик, тяжело сопя, передавали тем, кто стоял на платформе.

«Снаряды», – догадался Соколов.

Невысокий мужичок в ладно пригнанной и плотно перепоясанной ремнем шинели посмотрел на Соколова маленькими смеющимися глазками:

– Служивый, не знаешь, когда нас в вагоны запустят? – и добродушно улыбнулся, и в этой улыбке было что-то детское, неиспорченное, так что Соколов сразу почувствовал к солдату симпатию.

– Коли состав подали, стало быть, ждать недолго.

– Это конечно, живую силу скорее надо, к летнему наступлению. Только у ворот второй час томят, ноги уже застыли. И погулять до трактира не позволяют, и в вагон не пускают. Вы самостоятельно едете?

– Так точно!

– И я тоже, после ранения возвращаюсь, но домой, до Смоленска. Меня зовут Семен Бочкарев, сапер. Могу взорвать, могу построить. Русский солдат на все горазд! – Расхохотался, показав мелкие, как кедровые орешки, зубы. – В третий вагон приказали топать. Всех туда собрали, кто после ранений или, к примеру, побывок. – Потер замерзшую щеку.

Соколов отозвался:

– Так и я из третьего вагона.

– Вот и хорошо, будем друг дружки держаться.

Сергей Шлапак

В это время из главного вокзального здания вышла группа старших офицеров – в хороших шинелях, в каракулевых папахах, с пашками на боку.

Голоса зашелестели:

– Хорошо тому, кто с золотыми погонами! Гляди, свободно идут, ручки свои не утруждают. Чемоданы – как на дачу – денщики тащат.

Младший унтер-офицер, высокий узкоплечий мужик с двумя лычками на погонах, с крупным лицом, изъеденным оспой, криво усмехнулся:

– Ясно, старшие офицеры – в свой штабной вагон. У них там жизнь приятная, во всем довольстве. Даже кухня есть, в вагоне-то. Котлетки из курей жарят, на масле. Поварихи по ночам постель им греют. А нам на станциях за кипятком в очередях стоять. Когда настанет свобода и равноправие, все в равных условиях будем содержаться. Нам, солдатскому сословию, сахар по три кусочка на день выдали, а старшие офицеры чай будут пить с шоколадом и кофе со сливками.

Рослый, крепкого сложения прапорщик с мужественным лицом, с глубокими морщинами возле рта, делавшими его похожим на Цезаря, стоявший у проходных ворот, крикнул:

– Кто разговоры разводит? Это ты, унтер?

– Чего еще?..

Прапорщик сдвинул лохматые брови:

– Представься, как по уставу положено.

– Младший унтер-офицер Фотий Фрязов!

– Зачем, Фрязов, солдат смущаешь?

– Никак нет, – побледнел Фотий. – Я так, к слову прилунилось.

Прапорщик сунул Фотию под нос шишковидный кулачище:

– Чем пахнет?

– Могилой!

– Правильно! Так что пропаганду не разводить!

– Слушаюсь, господин прапорщик! Я совсем наоборот, патриот своей державы, против евреев и тому подобное.

Прапорщик строго оглядел солдат и громко представился:

– Я сопровождаю тех, кто едет в третьем вагоне. Зовут меня Сергей Витальевич Шлапак. Направляюсь, как и вы, на передовую. Можете обращаться, но только при крайней необходимости. Скажем, заметили шпиона или агитатора, то вяжите и волоком ко мне. Разумеете, герои?

Унтер, назвавшийся Фрязовым, заискивающе улыбнулся:

– Так точно, господин командир! А обо мне плохого не думайте. Я ведь не какой-нибудь жид пархатый вроде этого, – ткнул пальцем в сторону невысокого мужичка с большими печальными глазами и в шинели. – Я не развожу антимонию. Я за веру и престол, за созыв Думы, как об том в газетах нынче пишут.

Шлапак строго сказал:

– В газетах?! Ты читаешь газеты? Ты кто? Профессор кислых щей? Или – тьфу! – бакалавр? Ты есть русский солдат. И у тебя в мозгах должна быть только служба, а не дрянь, которую газеты вбивают в пустые головы. Понял? Увижу с газетой – всю грамоту, как мусор, из твоей башки вытрясу. Эту гадость разрешаю брать только в одно место. Ну, скажи, в какое?

Фрязов бессмысленно вытаращил глаза:

– Не могу знать, ваше высокоблагородие!

– Газеты, унтер, можешь употреблять только в галюне.

Солдаты рассмеялись:

– И то правильно! Однако, господин прапорщик, холодно. Скоро начнут пущать?

Шлапак ответил:

– В окопы боитесь опоздать? Поезд без вас не пойдет.

Начальник контрольного поста крикнул:

– Первыми идут казаки резервного батальона. Попарно становись!

Несколько патрульных бегло просматривали предписания и проверяли билеты. Ругань сделалась громче.

Бочкарев протиснулся вперед, миновал контроль и помахал Соколову рукой:

– Жду! – и побежал в сторону состава.

Толпа стала пробиваться к воротам.

Шлапак строго прорычал:

– Не напирать, ограда трещит! – Заметив Соколова, широко улыбнулся: – Смутьяны говорят, что солдат воевать не хочет. А он приступом вокзал берет, лишь бы скорее на фронт попасть.

Соколов, не влезая в толпу, спокойно ждал.

Боевая командировка

Внимание Соколова привлек высокий человек в хорошем драповом пальто и котиковой шапке. Его лошадиное лицо порой передергивала нервная улыбка, обнажая желтые зубы. Он вынул из кармана блокнот. Прислушиваясь к разговорам в толпе, начал что-то быстро записывать.

Сыщик не сдержал улыбки: он узнал этого человека, с которым его связала забавная история. Человек в котиковой шапке был известным петербургским журналистом, сочинявшим бойкие фельетоны во все крупные газеты и журналы. Его фамилия была Шатуновский, а статьи он подписывал выразительным псевдонимом Беспощадный.

Шатуновский-Беспощадный обладал своеобразным даром: о самых невинных предметах и событиях он умел писать с ядовитой усмешкой и убийственным сарказмом. Когда-то Антон Чехов хвалился, что может сочинить рассказ о чернильнице. Дар Шатуновского был сильнее. При желании он мог с такой презрительной иронией заклеить чернильницу, что читатель остался бы в убеждении: все самое гнусное в мире: войны, разбои, убийства, железнодорожные катастрофы, неурожаи и землетрясения – совершается исключительно по вине этой канцелярской принадлежности.

Особенно острое удовольствие журналисту доставляло писать гадости про людей знаменитых, известных своей непорочной репутацией. Правда, герои фельетонов порой оскорбляли журналиста по лицу, но он сносил все унижения и плевки ради славы, пусть и скандальной.

Когда-то, незадолго до начала войны, Шатуновский написал в газетке бойкий фельетон «Аристократические забавы – убийства и мордобой». Главным персонажем этого пасквиля был граф Соколов.

Гений сыска отправился в редакцию и затолкал в рот онемевшему от ужаса журналисту газетку с его писаниной. Когда началась война, журналист не спешил на передовую. Он был человеком осторожным и нервным. Начальство, учитывая далекий от храбрости дух Шатуновского, солидный возраст и геморрой, на фронт его не командировало.

Но в конце января 1917 года произошло нечто неожиданное. Редактор журнала «Русская мысль» Светлов, грузный, хорошо ухоженный человек в безукоризненном костюме, с тщательно завинченной вверх жесткой полоской усов, пахнувший хорошим коньяком и дорогой сигарой, пригласил к себе Шатуновского.

Развалившись в глубоком кресле, Светлов по новой моде положил ноги в дорогих лакированных штиблетах на стол. Он сосал толстенную сигару и ею ткнул на кресло.

– Милости прошу, Илья Самуилович! Рюмку коньяку? Как дети? Как здоровье супруги? – Испытующе поглядел на журналистскую знаменитость. – На фронтах близится мощное весеннее наступление. Но в окопах не все благополучно. Усиливается революционная агитация, катастрофически растет число дезертиров. Вражеская авиация разбрасывает над нашими позициями враждебные листовки. Эти листовки находят читателей. Возмутительны участвовавшие случаи братания. Этому мутному потоку лжи необходимо противопоставить острое журналистское перо. Илья Самуилович, я направляю вас собственным корреспондентом в действующую армию, на Юго-Западный фронт. Поздравляю!

Шатуновский покраснел, растерянно забормотал:

– Это оно конечно... Александр Николаевич, но разве нет кого-нибудь моложе?

Редактор лягнул ногой.

– Что значит – моложе? Разумеется, есть! – Многозначительно поднял палец. – Талантливый – нет. Вы знаете, мой дорогой, в какое ужасное положение попал наш журнал? Народ беднеет, тиражи падают. Объявили подписку на приложения к журналу – Герцен, Беранже, Горький. Творческой деятельности Горького только что исполнилось четверть века – юбилей замечательный! За четырнадцать томов и годовую подписку на «Русскую мысль» всего тридцать шесть рублей! И что же? Из рук вон плохо идет подписка.

Шатуновский вздохнул:

– Сочувствую!

– Так помогите поднять интерес к журналу! О вас мы уже сообщили в штаб армии генерала Гутора. Пишите смелее и острее, глубже, так сказать, поднимайте проблемы. Наблюдайте, обличайте, записывайте и чаще посылайте материалы. Наиболее злободневное сообщайте в редакцию по телефону или телеграфом. Построчную оплату на время командировки увеличиваю в три раза. Полагаю, Илья Самуилович, вы не откажетесь ехать в вагоне третьего класса? Нет, мы на вас не экономим. Это позволит вам лучше понять душу простого русского солдата, проникнуть в его героическую сущность.

Шатуновский был все-таки настоящим журналистом. Природная робость сменилась желанием понюхать запах пороха. Он согласился:

– Именно так – в вагоне третьего класса, бок о бок с героями моих очерков, с этими беззаветными патриотами, в сердцах которых ярким пламенем горят святыя слова – Государь, Православие, Отечество.

Редактор снял ноги со стола, оторвал от кресла грузный зад и пожал руку Шатуновского:

– Успехов вам! В кассе получите командировочные, а вот, держите, ваши военные документы...

Проводив журналиста, налил коньяку и с наслаждением пропустил рюмку.

Сюрприз судьбы

Теперь, готовя начальную статью в «Русскую мысль», Шатуновский записывал то, что удавалось подслушать в толпе, ехавшей на фронт. Однако разговоры солдат носили до неприличия обыденный характер. Вместо горячих слов о беззаветной любви к матушке-родине солдаты, матюгаясь, говорили о том, что собака-интендант отказался выдать новые шинели, об уменьшении приварочных денег, о том, как бы успеть сбежать в лавочку да купить там табачку и водки. И много ввали о боевых и любовных победах.

Шатуновский исповедовал принцип: важен не факт, а его подача. Эти бесхитростные разговоры он решил понимать как проявление особой скромности, присущей всем героям. Он домысливал несказанное, в шутке или анекдоте видел нестигаемую волю, красоту и силу народного гнева. Стоя в толпе, он делал в блокноте записи: «Наша героическая эпоха отделила зерна от плевел, героев – от предателей. Патриотизм – слово вовсе не забытое, оно горит священным огнем в сердцах миллионов простых русских людей, которые на наших глазах создают историю...»

Шатуновский уже придумал и заголовок, который ему показался удачным: «Дорожные тайны будущих героев».

Записав очередную ценную мысль, журналист поднял глаза и остолбенел: в нескольких шагах от него горой высился солдат, в котором легко узнавался граф Соколов. Как у охотника сильнее начинает биться сердце при виде крупного зверя, так ловкий борзописец почувствовал острую тему для фельетона. Быстрые мысли закрутились в его курчавой голове:

«Вот это удача! Разжалованный граф едет на передовую. Какой острый сюжет для фельетона: „Взлет и падение русского аристократа“. Шатуновский продвинулся вперед, близоруко прищурился: точно ли, тот ли самый Соколов, который когда-то приходил скандалить в редакцию? И хотя граф был в солдатской шинели, но осанка, властные манеры, красивый раскатыстый голос – все это журналиста убедило: да, это тот, кого молва окрестила «гением сыска»!

Приятное соседство

Словно пчелы улей, железнодорожный состав густо облепили люди в потрепанных, серых, грязных шинелях. В вагоны пускали лишь через одну дверь, возле которой стояли двое патрульных. Они теперь уже тщательней, чем у ворот, просматривали документы и билеты.

Соколов степенно шел вдоль поезда, размышляя: «Кому нужна такая дотошная проверка? Солдаты едут умирать, а их проверяют, словно они с казенными средствами ищут сбежать в Монте-Карло».

Вдруг среди гама и криков послышался отчаянный стук в оконное стекло, потом окно с грохотом опустилось. В его проем высунулось веселое круглое лицо знакомого солдата – Бочкарева. Он орал так, словно с него сдирали кожу:

– Эй, земляк! Ходи сюда. Я тебе место держу. Давай мешок. Сало есть? Кто Богом не забыт, тот всегда бывает сыт.

Соколов направился к толпе, липшей к вагонным ступенькам, встал в очередь. У Шатуновского zakралось сомнение: «Нет, это не Соколов! Тот не будет дожидаться, тот – нахал, всех оттолкнет и залезет первым».

Чтобы развеять свои сомнения, он громко позвал:

– Господин Соколов!

Солдат повернул голову, удивился:

– Доблестный Шатуновский? Никак в поход собрался?

Журналист согласился:

– В поход! – Притворно вздохнул. – Но воевать буду не оружием, а всего лишь пером.

Соколов с убийственной иронией отвечал:

– Ваше перо, сударь, страшнее пистолета. И какой фронт осчастливите своим присутствием?

– Юго-Западный, армия Гутора.

– Мы едем общим маршрутом. А я порой читаю ваши ядовитые фельетоны: «Аристократическая плесень», «Сенаторы с большой дороги», «Звездная пыль». Очень боевые фельетоны. К соотечественникам вы беспощадней, чем прокурор к рецидивистам. Прошу! – Соколов вежливо пропустил вперед себя озадаченного журналиста. – Там мой товарищ занял место. И хотя у вас широкий таз – это говорит о мужской недостаточности, – для вас найдем место.

– Спасибо, очень признателен.

Шатуновский, поднимаясь по ступенькам в вагон, размышлял: «Для публикации тема прекрасная: „Граф в солдатской шинели, или Горькая доля падшего аристократа!“»

Жизненное пространство

Едва Соколов вошел в вагон, в носшибанула отвратительная смесь запахов: человеческого пота, водочного перегара, грязи и застоявшегося табачного дыма.

Окопное мясо в поношенных, залатанных шинелях изрядно набило вагон. Солдаты заняли все лавки, включая багажные.

Задымили десятки вонючих папирос и «козых ножек». В воздухе повис кислый дым. Все были удивительно спокойны, а некоторые даже куражно радостны. Семен Бочкарев размахивал рукой и орал на весь вагон:

– *Господин солдат*, прошу сюда! Тут ваш плацкарт...

Соколов сбросил на жесткий диван шинель, а сам отошел к окну, вглядываясь в морозную даль.

Теперь в проходе появился унтер Фрязов. Он шел с тяжелым мешком за спиной. Его походка была какой-то особенной, вихляющей. Он с презрительным недоумением смотрел на солдат, успевших занять места. Вдруг он прищурил глаз, разглядел свободное место, которое Бочкарев предназначил для Соколова. Унтер швырнул на диван мешок, облегченно вздохнул, но Бочкарев остановил его:

– Унтер, твоих тут нет! Уже занято...

– Кому занято, а кому нет, – отвечал Фрязов, усаживаясь на диван. – Ты что, билет покупал?

– Во-во, покупал! Кыш отседова!

– Чего? – удивился рослый Фрязов, оценивающим взглядом меряя жидкого Бочкарева.

Тот напирал:

– Не окусывайся, здесь не подают. Оглох, что ль, а то прочищу уши и на затылке завяжу! Фотий Фрязов изумился такой отчаянности. Он уцепился за грудки Бочкарева:

– Эх, проучу-ка тебя...

Бочкарев весело отвечал:

– Иди на водочачку руки помой, а то сортиром пахнут!

Солдаты рассмеялись. Фрязов еще крепче уцепился за шинель Бочкарева, желая повалить солдата на пол. Тот ловко отбивался ногами. Начиналась драка, и Соколов вмешался в потасовку. Он сзади ухватил Фрязова за ворот и так рванул на себя, что Фрязов охнул, выпустил Бочкарева. Обиженно загундосил:

– Ты чего безобразишь, рядовой?

Соколов строго произнес:

– Кто позволил руки распускать? Я тебе такого леца отвешу, что будешь лететь, свистеть и радоваться.

Солдаты опять грохнули веселым смехом, а Фрязов перед видом громадного мужчины с властными манерами счел за благо отступить. Он лишь зло сверкнул маленькими пороссячими глазками:

– Еще ответишь за безобразие! – и внимательно оглядел соседний диван. И, вновь переходя на уверенный тон, прищурился и строго сказал: – Потеснитесь, не в театр пришли!

– Куда же тесниться? – заворчал Шатуновский. – У нас уже комплект, шесть человек...

– Вот ты, кучерявый, и потеснись! – зло отвечал Фрязов. – Для фронтовика обязан потесниться. Я за тебя кровь свою проливал, я экзамен на унтера сдал, а ты места уступать не желаешь. – И, просунув колено, отжал Шатуновского и затем втиснулся на скамейку.

Ударил колокол. Вдруг вагон вздрогнул, гонгом лязгнули буфера, колеса пришли в движение.

Все радостно загалдели:

– Поехали, слава богу! – и полезли в мешки доставать провизию, чекушки и полбутылки. Российская традиция свято соблюдалась – выпивать и жевать немедленно, едва паровоз даст третий гудок.

Поезд потащился мимо станционных построек.

* * *

Соколов глядел в мутное окно. Мимо плыла черная земля, по которой шли люди в промасленных костюмах – сцепщики, кондуктор с красным фонарем, тащилась с тяжеленным мешком за плечами краснолицая баба в пестром платке, осторожно вышагивал по шпалам мужчина в шапке пирожком и с кожаным портфелем.

Вагон миновал угольный склад, водокачку с громадной лужей – здесь заливали паровозные баки, – оставили позади платформы, груженные пушками, силуэты которых явственно проступали под грязным брезентом. Вот началась городская окраина: небольшие домишки с веселыми дымами, подымавшимися из труб, большие склады вдоль линии со стаями бездомных собак.

Соколов мысленно произнес: «Прощай, любимый город! Увижу ли еще тебя, пройду ли по твоим булыжным мостовым?» На сердце не было обычной легкости, душа томила страшными предчувствиями.

И впрямь, впереди графа ждали смертельные испытания. И гений сыска не уклонился от опасностей, ибо понимал: великая Россия и государь ждут от него подвига.

...В это время в проходе появилась еще одна фигура, которой в нашей истории суждено играть некоторую роль.

Рядовой Факторович

Недоуменно озираясь, в проходе стоял тот самый человек с висячим носом и большими грустными глазами, на которого Фотий Фрязев прежде указывал Шлапаку. На грязный пол он явно садиться не желал, а места свободного не было. Кто-то из солдат предложил:

– Давай засуну тебя в ящик для фонарей, все равно пустой стоит.

Еврей меланхолично отвечал:

– От этого ужаса, что некуда деться, полезешь, как таракан, хоть в половую щель.

Солдат приподнял еврея, тот делал мучительные попытки, но забраться в ящик, расположенный под потолком, оказалось невозможным.

Солдаты наблюдали эту картину и зубоскалили:

– Эй, жидок, хочешь в ящике от немца спрятаться? Все равно найдет.

Соколову стало жалко человека – уж слишком несчастный вид был у него. Он пригласил:

– Идите сюда, мы потеснимся.

Еврей поклонился и вежливо сказал:

– Меня зовут Лейба Факторович. Спасибо за место, здесь, вижу, сидят приличные люди. Дай Бог вам каждый день кушать цимес, а вашим врагам пусть будет базедова болезнь. А то, что здесь тесно, так скажите мне, где теперь просторно? Этого не знает никто, даже ребе Пфферминц.

– Кто? – удивился Бочкарев.

– Как, вы не знаете ребе Пфферминца? – удивленно округлил рот Факторович. – Это знаменитый знаток Талмуда. Он развелся с молодой, красивой женой. Евреи возмутились: «Как это можно поступать? Такая замечательная жена!» Мудрый ребе поднял ногу: «Видите мой новый башмак? Чудно сшит, не так ли? Есть ли среди вас умный, что скажет: где башмак мне жмет, да так, что мои глаза на лоб выпирают? Вы молчите, потому что не знаете. Вот и с женой, вы не скажете, где мне жмет нестерпимо...»

Все рассмеялись, а Шатуновский стал лихорадочно царапать карандашом.

* * *

Бочкарев заботливо посмотрел на Соколова:

– Ваше благородие, Аполлинарий Николаевич! Хлебушка с колбаской желаете? Колбаска свежая, от самого Григорьева. Или сальца отрезать? Зашел на базар – шматок изрядный купил. Я жалованье за последний месяц не стал домой отправлять, сберег. Прикинул, дескать, самому понадобятся денежки. Так оно и вышло. А на станции сбегаю, кипяточку принесу...

– Ау меня шоколад и заварка из магазина Перлова, что на Мясницкой. Вот и перекусим. И в мешке тоже кое-что припасено... – отозвался Соколов.

Бочкарев расхохотался, весело потер короткие, почти квадратные ладошки:

– Эх, хорошо живем! Как народ говорит? Хлеб на стол, так и стол престол.

Шатуновский улыбнулся, обнажив длинные зубы:

– Простите, рядовой, я записываю народные выражения. Эта поговорка про хлеб – прекрасна. Вы где ее почерпнули?

– Не почерпнул, а дома так говорили.

– А вы какой губернии?

– Смоленской.

– Благодарю! – И Шатуновский стал быстро черкать в блокноте.

Солдаты, успевшие принять водочки, с интересом глядели на журналиста. Соколов сделал жест, как шпрых-шталмейстер в цирке, когда объявляет заезжую знаменитость:

– Герои фронта, вы имеете счастье лицезреть знаменитого на всю Европу и ее окрестности журналиста Шатуновского-Беспощадного. Он напишет о вас в газете, заметку прочтут в ваших деревнях и селах и месяц будут пить за здоровье героя. Поняли?

Солдаты весело зашумели:

– Как не понять? Эй, Беспощадный, про нас нацарапай, а мы тебе водочки нальем и разные происшествия расскажем.

Факторович, сидевший по соседству с Шатуновским, с интересом посмотрел на него:

– Шалом! Скажите, а вы чего-нибудь заплатите, если я вам случай расскажу, совершенно исключительный.

Шатуновский замялся:

– Ну, если очень интересный, тогда копеек десять...

Факторович вздохнул:

– С этого, конечно, дом не построишь, но это лучше, чем кирпич на голову. Так будьте известны, что в пассажирском купе сидит приличный господин и смотрит: пожилая крестьянка держит ребенка и все хочет засунуть ему в рот титьку. Господин видит это женское обвислое хозяйство, и его едва не тошнит. А тетка страшит ребенка: «Бери титьку, дрянь ты этакая! Ведь ты хочешь жрать? Ну смотри, я сейчас дяде дам – он это любит, все сожрет и тебе ни крошки не оставит».

Солдаты вновь рассмеялись. Факторович всем пришелся по душе. Улыбнулся и Шатуновский, пошарил в кармане, достал пятак.

– Остальное за мной! – и тщательно записал анекдот.

Факторович был доволен собой. Тоном благодетеля произнес:

– Уверяю вам, что могу рассказать тысячу на двадцать ассигнациями, только, господин журналист, не забудьте ваш долг пять копеек вернуть, – ткнул пальцем в сторону клозета: – Уже очередь, сразу видно, что народ обвалился – воевать едет.

И снова солдаты прыснули смехом:

– Хоть евреец, а мужик свойский!..

Факторович принял серьезный вид:

– Во-первых, для своей беды я крещен в православной вере, поэтому отправили воевать. Во-вторых, если мне собирать с каждого из вас хоть по три копейки, так я радовался бы жизни с моею Ривой.

– Почему? – удивился Фрязов.

– Я бы сунул кому надо, и мне дали бы белый билет. А вот теперь еду как самый последний.

– Это ты, жидовская морда, срамно рассуждаешь. Долг каждого – не жалеть живота и все такое прочее, – строго произнес Фрязов.

– Факторович, вы такой остроумный, что вас обязательно направят служить писарем при штабе, – сказал Бочкарев.

– Об таком счастье можно только мечтать. А теперь еще один случай и для вас совершенно задаром. К врачу приходит еврей, которого замучили понос и отрыжка, но стесняется сказать прямо. Он говорит: «Господин доктор, у меня отрыгается и спереди и сзади!»

Солдаты заходились хохотом, Шатуновский без передышки царапал карандашиком, а Бочкарев мечтательно произнес:

– Вот скоро кончится война. Приеду домой, затоплю баню, пропарюсь, за стол сяду, жена моя Алена щей с бараниной поставит да пироги из печи вынет. Эх, хорошо! И никакой отрыжки.

Соколов подумал: «Какой славный русский человек. Совсем немного ему для счастья надо».

Головка сахара

В это время в проходе, перешагивая через солдатские ноги, появился прапорщик Шлапак. Из-под распахнутой шинели на гимнастерке поблескивал Георгий. Прапорщик, заглушая шум, произнес:

– Все разместились? Извещаю: горячую пищу получите в Смоленске. Претензии, просьбы, обращения есть? – И, не дожидаясь ответа, сказал: – Желаю счастливого пути и боевых подвигов.

Вдруг прапорщик обратил внимание на Соколова. Раздвинул в улыбке рот и показал тридцать два крепких, как у молодого тигра, зуба, радушно протянул руку:

– В одном вагоне едем? Очень приятно! Я вас еще на вокзале приметил. Я моряк, в японскую воевал на крейсере «Богатырь». А в эту войну меня сделали сухопутным...

Соколов спросил:

– Небось по ночам снятся бушприты, кливер-шкоты, кран-балки?

Шлапак расцвел в улыбке:

– А вы тоже «полосатый»?

– Нет, вот мой пращур Сергей Богатырев, так тот при Петре Великом на море погиб. А я когда-то яхту держал, был членом Петербургского речного клуба, да и на субмарине короткий переход сделал.

– Надо же, родственную душу встретил! А я тоскую по воде. Моряки народ особенный, соленой волной промытый, ураганами обвеянный, – надежные люди. Прошусь обратно на флот. Я уже два рапорта посылал, да ответа не получил.

– Вы теперь после ранения?

– Никак нет, начальство за геройский поступок предоставило десять дней отпуска. Матушку Галину Васильевну навестил, в Сокольниках живет. А теперь в Московский разведполк возвращаюсь.

– У меня тоже предписание в Московский разведполк. Стало быть, однополчане.

Шлапак весь расцвел.

– Надо же, удача какая! Ротный у нас, Семенов, из себя, – показал рукой, – от горшка два вершка, а в деле горячий: бесстрашный, хитрый...

Соколов одобрил:

– Вот это по-нашему, по-русски!

* * *

Бочкарев заботливо опекал Соколова. В Вязьме он сбегал за кипятком, заварил чай, угощал Соколова и соседей.

Факторович достал большую головку сахара. Вдохнул:

– Что вы скажете на это несчастье? Сахар есть, щипцов нет. А это такой сахар, его кувалдой не разобьешь.

Соколов успокоил:

– Обойдемся без щипцов!

Он взял в кулак сахар. Все перестали жевать и разговаривать, уставились на богатыря. В вагоне наступила удивительная тишина, нарушаемая только стуком колес.

Соколов сжал сахар в громадном кулачище, и тот, к восторгу зрителей, с громким хрустом рассыпался в пудру. Факторович ужаснулся:

– Боже, это уже не сила. Это кошмар... Вы слышали этот жуткий хруст, будто грешнику черти в аду кости крушат? У меня заложило в ушах. Но зачем много сладкой пудры просыпалось на пол? – Вдохнул. – Но пусть вас не волнует этих глупостей, выпивайте с тем, что в кулаке, – и стал дуть крепкий чай из жестяной кружки.

Жареный петух

Шлапак, привалившись плечом к верхней полке, с легкой усмешкой обратился к Шатуновскому:

– Про войну нынче врут много, какую газету ни открой: «Ах, наши доблестные солдатики! Наши геройские защитники!..» И никто, ни одной строкой, не обмолвится, что нынешняя война – сплошная неразбериха. В штабе полка дают приказ: «Наступать!» Ну, пошли, в открытом поле. Германцы нас как на ладони видят, из всех видов оружия пальбу открыли, разве что из рогаток не стреляют. Мы, понятно, залегли. Германцы шрапнелью садят. А тут команда: «Вперед!» Таким маневром многих наших покосило, зато вражескую позицию почти полностью заняли. А из штаба фронта приказ, уже противоположный: «Отступить!» И тем же порядком опять в свои окопы, на исходные рубежи, только уже меньшим числом. Спрашивается: зачем же наступать, если надо тут же отступить?

Шатуновский недоверчиво покрутил головой:

– Это, скажем, как исключение и ваш пример неудачен.

Шлапак продолжал:

– Хорошо, вот другое. Из нашей роты ходили языка брать. Ну, офицера схватили, через реку переволокли его, значит, на наш берег. А тут передовое охранение по нашим же с испугу из пулеметов как шандарахнет. Пяти разведчиков как не было. В живых только двое остались – раненый ефрейтор да австрийский офицер, за которым ходили.

Шатуновский задумчиво проговорил:

– В любом деле огрехи случаются, а война – дело сложное...

Шлапак огрызнулся:

– Огрехи не огрехи! Это пока вас не коснулось, легко рассуждать. А как в задницу жареный петух клонет, так не то заголосите. Или, скажем, в прошлом году на передовую пригнали роту новичков. Немец тут как тут, атакует на нашем фланге. А новеньким ружья не дают, нету,

дескать, где-то на железной дороге застряли. Обзаводитесь, мол, сами. Так половину новичков германец и положил. Или, помню, под Варшавой немцы прут, а у нас на каждый артиллерийский расчет по три снаряда: не подвезли! А кто, скажите, за безобразия отвечать будет? Когда в войну ввязывались, об этом подумали?

– Чем так воевать, лучше дома баб своих шлифовать, – буркнул Фрязов.

Полет в ночи

Свежий ветер

За оконным стеклом плыли бескрайние и до скуки однообразные зимние просторы. Соколов видел засыпанные снегом поля, церковные купола на взгорке, деревушки с избами под соломой, крытые железом кирпичные дома, ометы соломы, обнажившиеся деревья садов за палисадами, чахлые деревца, бесконечной чередой тянущиеся вдоль железнодорожного полотна, телегу, поставленную на колеса и запряженную одром, терпеливо ждущим на переезде.

Поезд почти без остановок и задержек неся к тому страшному месту, которое называется фронт. Туда, где с необыкновенной легкостью обрывают самое ценное и важное – человеческую жизнь.

Бочкарев заботливо обратился к Соколову:

– Вечереет, однако! Давайте, Аполлинарий Николаевич, уложу вас, отдохните малость. Я здесь, с краю, пока прилягу, а ночь придет – спать валетом будем. Так теплей, ночью в вагоне наверняка собачий холод.

Гений сыска с наслаждением вытянулся на лавке, только сапоги далеко выперли в проход, перегородив его.

Бочкарев пристроился рядом, веселым голосом сообщил:

– Гляньте, как на багажной полке набились, что кильки астраханские в жестяной банке! Ни согнуться, ни разогнуться. И воздуха там нет, в нос одна спираль шибает. А вот у нас на нижней – прохладней, одно наслаждение. Почти как в губернском постоялом дворе: простор и никакой помехи.

Соколов прикрыл веки. Он размышлял: «Сегодня я был не безупречен. На вокзале по оплошности в скандал попал. А это лишь начало. Что ждет меня впереди? Бог весть. Главное – теперь без приключений доеду до своего полка. Это уже хорошо!»

Жизнь показала: гений сыска радовался рано.

* * *

За окном стемнело. В вагоне голоса стали тише. Одни, истомленные дневными хлопотами, дремали. Другие рассказывали героические истории из собственной боевой жизни, и солдаты слушали с интересом.

Возле Соколова четверо солдат азартно резались в карты. За игрой с любопытством наблюдал Факторович. Унтер Фрязов, уже отстоявший очередь в уборную, лениво спросил:

– Почему банк?

– Пять копеек! – ответили игроки.

Фрязов рассмеялся:

– Ну прямо малые дети! Вы еще на щелчки сыграйте.

Игроки сердито отвечали:

– Надо – и сыграем, тебя, жердявый, не спросим!

Фрязов уселся рядом, лениво наблюдая за игрой. Потом один солдат вышел из игры. Вместо него сел Фрязов. Минут через тридцать Фрязов загреб выигрыш, смиренным тоном произнес:

– Копеечки эти себе на лекарство и детишкам на молоко, – и весело зареготал, поглядев на Факторовича: – Ну что, еврей, сыграем?

– Зарок дал – не играть!

– Зарок – не тещин порог, всегда на него плюнуть можно! Давай играть, а то уши оторву...

Факторович сказал:

– Кстати, скажу об ушах. У нас в Мелитополе есть парикмахер Саул. Однажды он стриг городского и от волнения отрезал ему ножницами кусочек уха. Тот вскочил, ругается: «Стричь не умеешь? Одно ухо короче другого!» Саул спрашивает: «Прикажете подравнять?»

Шатуновский расхохотался, а Фрязов со злобой сказал:

– Это ты зачем мне об этом рассказал?

Факторович невозмутимо отвечал:

– Если не можешь, чего желаешь, так желай то, что можешь.

– Жид проклятый, ты меня запутываешь? – Фрязов отложил карты, готовый броситься на тщедушного Факторовича.

– Никак нет, господин унтер! Это сказал поэт Гибирол, а жил он тысячу лет назад. Что касается вашего проклятия, то пришлите мне его по почте, я повешу на стену в рамке и буду любоваться.

Соколов рассмеялся.

Фрязов окрысился на гения сыска:

– Чего ощеряешься? Званием не вышел, чтобы зубы скалить. Попадешь ко мне во взвод, так научу тебя пузом землю шлифовать.

Улыбка сошла с лица Соколова, он резанул холодным взглядом унтера, но вновь сдержался, не ответил. Кровь кипела, многое он отдал бы, чтобы рассчитаться с этим ничтожеством, но сыщик себя сдержал.

Тут выступил Бочкарев. Он крикнул на Фотия:

– Ты чего грозишься? Аполлинарий Николаевич русский дворянин, а ты – грязь дорожная. И звание твоё не шибко высокое, – и тут же умиротворяюще добавил: – Давайте чайку попьем, и ты, унтер, подставляй кружку.

Скандал затих. Увы, как показала дальнейшая жизнь, затих, чтобы вновь вспыхнуть с ужасной силой.

Плохое воспитание

Убийцы и вообще жестокие люди обычно происходят из семей, где царит атмосфера беспорядка и насилия. Если вы хотите воспитать младшего в семье ребенка злым и жестоким, для этого следует всегда вставать на сторону младшего, когда он ссорится со старшими братьями и сестрами.

Фотий Фрязов был четвертым, младшим сыном в семье унтер-офицера, болтавшегося по дальним гарнизонам и в конце концов вдребезги спившегося. Обосновалась семья Фрязовых в Душанбе. Отец целые дни пропадал по духанам, где пропивал и проигрывал в нарды и в карты свою изрядную пенсию.

Когда отец пьяный и без денег возвращался домой, жена устраивала истерики, переходившие в драки. Дети склонны подражать родителям. Свои игры они, как правило, завершали скандалами и мордобитием.

Заслышав рев Фотия, отец врывается в комнату к детям. Не жалея бранных слов, раздавал старшим тумаки, наводил порядок. Назло старшим детям порой давал Фотию одну-две копейки: «Твои братья – негодяи, а ты – хороший. Они тебя обижают, а я тебя награждаю. Купи ирисок, только с этими подлецами не делись!»

Младший, зная, что отец и мать всегда примут его сторону, без колебаний вступал в конфликт – во вред братьям, себе на пользу. Он нарочно задирали старших, чтобы отец в очеред-

ной раз навешал братьям оплеух, а его, несчастного, одарил монеткой. Естественно, что братья ненавидели Фотия и боялись.

Вот в такой обстановке и вырос этот несчастный парень.

Бежали годы. Грянула война. В декабре девятьсот четырнадцатого Фотия призвали в армию. Первое время он служил в тылу. Служил усердно, то есть доносил начальству обо всем, что творится в его взводе и роте, кто что сказал, кто собирается в отлучку, кто пил водку. Уже через полгода усердие было вознаграждено: молодой солдат навесил две лычки – стал младшим унтер-офицером.

Но дальше в благополучной судьбе Фотия произошел сбой. Фотий любил книжки, читал их без разбора, все, что под руку попадет: «Приключения Ника Картера» или «Жизнь насекомых».

В казарме все на виду. Но невесть откуда стала проникать в казарму крамола. То под подушкой, то на подоконнике в сортире, то еще где начали попадаться брошюры социалистов. Бумага была тонкая, в солдатском обиходе полезная. Вначале даже думали, что это нарочно кладут – для подтирки или скрутить «козью ножку».

Как ни странно, но начальство об этом узнало не сразу. Лишь когда Фотий, желая сделать приятное, принес ротному «в подарок» «Программу партии социалистов-революционеров», «Манифест анархистов-коммунистов» и еще какую-то подрывную дребедень, в казарме начался переполох.

Ротный в тот же день написал и отнес рапорт кому надо. Явились подтянутые люди в фуражках с голубыми околышами и для начала всех обыскали. Затем на скорую руку произвели следствие. Найти того, кто подбрасывал литературу, не удалось. Рота была выстроена в полном составе. Неизвестный солдатам полковник негромко, но очень внятно произнес:

– Наше отечество уже третий год ведет кровопролитную войну с ненавистным кайзером Вильгельмом. На фронтах сражений ваши отцы и братья льют кровь, – свирепо посмотрел на строй. – В это время вы, ведя сытый и спокойный образ жизни в тылу, читаете жидовские сочинения. Более того, имеются некоторые враждебные элементы, как младший унтер-офицер Фрязов. Этот пособник жидов держал у себя в тумбочке гнусный пасквиль социалиста Мартова, настоящая фамилия которого, – полковник заглянул в бумажку, – тьфу, сказать отвратительно – Цедербаум. И эта гнусность называется «Простые речи о внутренних врагах». Желая сбить в социализм ротного, Фрязов предлагал и ему разлагающую литературу. Суд достойно накажет изменника родины, пособника врагов и жидомасонов, дабы другим неповадно было. Что касается роты, она в полном составе в ближайшее время будет направлена на передовую.

Фрязов был этапирован в военную тюрьму, что в Лефортове. Здесь он попал в камеру на втором этаже, где уже сидели двое офицеров, обвиненных в шпионаже. Через два дня ранним утром офицеров увели на суд, который происходил в этом же здании на Лефортовском валу. Вернулись они через час-другой. Их приговорили к высшей мере – расстрелу.

Фотий глядел на несчастных с ужасом. Он ясно представлял, как в сопровождении священника их отведут во внутренний дворик, скрутят за спиной руки, завяжут глаза и дежурная команда из шести человек пальнет осужденным в голову. Черепа и мозги разлетятся мелкими брызгами. Все, что минутой прежде жило, дышало, мечтало, соберут в ящик и куда-то отвезут.

Фотий вдруг страстно уверовал в Бога. Те две недели, что он провел в камере до суда, он беспрестанно пребывал в молитвах, прерывая их лишь на сон. Он обещал Господу вести жизнь трезвую и праведную, если эту жизнь ему сохранят. Фотий готов был к самому тяжкому каторжному труду, лишь бы его не расстреливали.

Один раз его водили к следователю – молодому равнодушному человеку. Следователь задал несколько вопросов, дал расписаться в протоколе.

И вот судный день настал. В комнатухе, куда его ввели, стоял длинный стол без ска-терти. За ним сидел генерал-майор, видимо председательствующий, два подполковника и два

капитана. С торца расположился писарь, который торопливо макал ручку в чернила и все время что-то без остановки писал.

Генерал равнодушным голосом произнес:

– Ты, Фрязов, обвиняешься в хранении и распространении противоправительственных брошюр с целью ослабления и ниспровержения. Признаешь себя виновным?

Фотий неожиданно для самого себя и судей громко и четко – по-уставному! – отвечал:

– Никак нет, ваше высокопревосходительство! Это смутьяны подложили, а я счел обязанностью передать начальству.

– Ты читал эти брошюры в одиночестве или вслух? Давал читать другим?

– Так точно, сам читал, для себя! Но ничего не понял. Там мудрено написано. А другим не давал.

Судьи улыбнулись. В душе Фотия шевельнулась робкая надежда. Генерал опять спросил:

– Стало быть, ты агитировал только своего ротного?

Фотий, видя, как судьям нравятся четкие ответы, в том же духе продолжал:

– Никак нет, ваше превосходительство, я не агитировал! Я отнес эту жидовскую мерзость нашему ротному, чтоб разобрался, потому как он есть облеченный властью. Я от начальства имею две лычки, – и, совсем воспрянув духом, бодро, молодецки взглянул на генерала. – Прошу направить меня для борьбы с врагом внешним, потому как я за государя и веру нашу православную жизни не пожалею. Я страсть какой отчаянный: или грудь в крестах, или голова в кустах!

Генерал перекинулся несколькими словами с другими членами суда. Выносить оправдательные приговоры в военном суде не практиковалось. Фотий уловил фразу: «Полковник Снежко любит дрова ломать». Генерал торжественно произнес:

– Тебя, как изменника родины, надо бы приговорить к высшей мере, но, поскольку промашка у тебя вышла впервые и ты жаждешь боевыми делами загладить вину, суд постановил: освободить тебя из-под стражи и отправить в действующую армию.

Фотий не поверил ушам. Его даже не лишили унтер-офицерского звания. Через два дня, оформив необходимые документы, он тащился на Брест-Литовский вокзал.

Вот с этим несуразным человеком столкнула судьба Соколова.

Трофейный чайник

Фотий не унимался. Он опять сказал Факторовичу:

– Эй, как тебя? Я тебе нынче удовольствию сделать желаю.

– То есть?

– Хочешь, чайник проиграю?

– Не желаю! – Факторович, видать, был азартным: его отказ звучал не очень решительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.